

Владислав
КРАПИВИН

ЛУЖАЙКИ,
ГДЕ ПЛЯШУТ
СКВОРЕЧНИКИ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сказки и были Безлюдных пространств

Владислав Крапивин

**Лужайки, где
пляшут скворечники**

«ЭКСМО»

2005

Крапивин В. П.

Лужайки, где пляшут скворечники / В. П. Крапивин —
«Эксмо», 2005 — (Сказки и были Безлюдных пространств)

ISBN 5-699-09902-6

Роман Безлюдных пространств «Лужайки, где пляшут скворечники» — роман о любви, закон которой руководит всеми пространствами мира, объединяя их в одно целое, — и нет ничего выше этого закона.

ISBN 5-699-09902-6

© Крапивин В. П., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Первая часть	5
I. Здравствуй, месяц и луна	5
1.	5
2.	8
3.	10
4.	12
5.	17
II. Герда и Кей	20
1.	20
2.	22
3.	26
4.	31
5.	33
6.	37
7.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владислав Крапивин

Лужайки, где пляшут скворечники

Роман Безлюдных пространств

Памяти Виталия Бугрова, который лучше всех понимал, что нет никакой фантастики, а есть только жизнь.

Первая часть

БАЛАЛАЙКОЙ ПО ТАНКУ

I. Здравствуй, месяц и луна

1.

При ярком солнце, среди городского веселья, на Артема упал страх. Нет, не упал даже, а стремительно вылился – как холодная смола из бочки. Вязкий, тяжелый, липкий. Артем вмиг обессилел, задохнулся, оглох. Люди со смехом обходили его, остолбеневшего.

Наконец мысли запрыгали. Артем дернулся: «Очнись, дурак! Этого не может быть!» Но мысленный крик получился беспомощный, жалобный. Страх был сильнее здравомыслия. «Опомнись, идиот!»

Сердце ожило, стало отмерять тяжелые секунды. Артем шепотом выругался – длинно и пакостно.

«Слякоть, неврастеник! Ты прекрасно знаешь, что привидений не бывает!»

Хотя нет, привидения, возможно, бывают. Но ходячих покойников не бывает никогда. Это уж точно!

«Отдышись, трус, и пойми: *он просто похож*.

Да, похож: эти широченные перекошенные плечи, шея толще затылка, искрящийся короткий ежик. Маленькие прижатые уши... Ну и что? Мало ли на свете людей, схожих фигурой, походкой, повадками?

«Ты еще не раз будешь вздрагивать, увидев таких издали и вблизи, – сказал себе Артем. – Это, может быть, на всю жизнь...»

«Ну а если бы... если бы это даже оказался *он*? Тогда что? Ты же с самого начала готов был ко всему! С той секунды, когда остановил дыхание и сдвинул предохранитель! Чего же теперь-то чуть в штаны не напустил?»

Наверно, это от неожиданности... И от обиды, что именно сейчас, когда стала, вроде бы, налаживаться жизнь. Когда встретила Нитка...

Впрочем, страх уже таял, оставляя что-то вроде запоздалого озноба. Это как в теплых сенях, куда вошел с крепкого мороза.

Наверно, надо было бы для полного успокоения догнать, заглянуть в лицо и окончательно убедиться, что лицо это – другое. Но... во-первых, противно как-то, унижительно даже. А во-вторых, теперь-то, при здравом размышлении, стало окончательно ясно, что *быть такого не может*.

«Паникёр», – опять обругал он себя. Уже с облегчением. Было стыдно и перед собой, и перед шумным разноцветным людом, что веселился вокруг. Словно кто-то мог что-то знать про Артема!

Нет, все нормально. Все хорошо! И солнце, и теплое раннее лето, и праздничный гомон.

Артем подлом клетчатой рубахи вытер запотевшие от страха очки. Посадил их на нос. Огляделся и зашагал в конец бульвара. Туда, где низко над желтыми и синими павильонами качался от ветерка большущий воздушный шар с фирменной надписью «Нординвест». Что это за фирма, Артем не знал, но шар выглядел красиво – алый на фоне безоблачной синевы.

На открытой эстраде стучал подошвами о доски детский ансамбль «Смородинка». За деревьями, перебивая танец, толчками выбрасывал аккорды старинного марша военный оркестр. Через газоны и клумбы прыгала хохочущая ребятня – в разноцветных летних одежонках, в бумажных мушкетерских плащах, клоунских колпаках и звериных масках: на площади только что кончился детский карнавал. Пацанята и девчонки гонялись друг за другом, размахивали пестрыми вертушками и пластмассовыми шпагами, взрывали кедами и кроссовками желтый песок. Порой с разбега налетали на взрослых. Взрослые не ругались – праздник.

Праздник был второй или третий за последние две недели. Какая-то очередная местная дата. Власти города и Северо-восточной провинции здраво рассудили, что во избежание новых забастовок, голодовок (а то и баррикад) надо чаще веселить народ. Обходилось это дешевле, чем выплата долгов рабочим Макарьевского вагоно-ремонтного комплекса, учителям и бригадам скорой помощи. Кое-какие газеты уже обозвали такую политику «Танцем пустого живота». Однако нынче пикетов у ратуши поубавилось, народ переместился на бульвары. Этому помогало и наступившее лето – ясное и в меру жаркое.

Особенно радовались лету ребяташки. Но и взрослое, озабоченное жизнью население пооттаяло и сделалось улыбчивей. Не прочь было поучаствовать в конкурсах и аттракционах.

Один такой аттракцион назывался «Вспомни детство!»

Сбоку от аллеи, на лужайке, стоял размалеванный ребячьими рожицами фанерный барьер, а за ним – шагах в десяти – возвышалась стойка с оранжевыми глиняными горшками. Задача игроков была проста до глупости – попасть в такой горшок из рогатки.

Стрелять позволялось только взрослым. Да пацаны и не смогли бы растянуть резину. Она была шириной в два пальца, а толщиной чуть не в сантиметр. А рукоять с развилкой – будто большущая буква У с рекламного щита «OLD-YORK-LTD», который торчал позади стойки с горшками. В общем, оружие для крепких дядек: «оттягивайтесь», мужики, во всю силу, вспоминайте беззаботные и озорные годы. И мужики «оттягивались». Причем, не только всякая братва крутого вида, но и вполне респектабельные граждане. И даже трое офицеров-летчиков в парадных мундирах.

Посмеивались, целились, стреляли крашеными деревянными шариками. Иногда попадали. И получали приз по выбору – пачку сигарет «Антилы» или жевательную резинку «Мак-Магон». Но это были частичные успехи и мелкие награды. Хочешь заработать приз покрупнее – не просто попади, а разбей горшок! Но глиняные посудины были прочны, шарики рикошетили и улетали за края лужайки. Там их ловили и отнимали друг у друга быстрые мальчишки. Белобрысый толстый распорядитель уговаривал мальчишек вернуть снаряды. Но пацаны с хохотом убегали.

– Ай, какие дети! – несердито возмущался распорядитель и хлопал себя по пестрым штанам. – Совсем несознательные дети! Зачем шарики? Они же не конфеты!

– Таким мячиком твою корчагу ни фига не расшибешь! – завозмущался поддатый чернявый мужичок. – У нее толщина как танковая б-броня...

– Ай, почему так говоришь! Зачем «не расшибешь»? Стреляй правильно! Попади точно в середину – расшибешь обязательно! Кто следующий?! Все удовольствие – полтинник по нынешнему масштабу цен!

В середину попасть не мог никто. Артем постоял, пригляделся и понял: правая резина более тугая, чем левая. И когда стрелок добросовестно целился в центр, шарик слегка уходил в сторону.

– Дай-ка мне...

Артем покачал в ладони толстую рукоять, поправил очки, глянул сквозь развилку на горшок. Потянул на себя круглый кусок кожи со стиснутым в нем синим шариком. Ого, вот это резина! Не для слабого... Он прицелился чуть правее горшка.

Трах! Осколки разлетелись, будто рыжие бабочки.

– Ай, молодец! Кто говорил «не расшибешь»? Ты говорил «не расшибешь»? – Распорядитель укоризненно двинул животом в сторону чернявого мужичка. Потом вытащил из-под прилавка литровую темную бутылку, протянул Артему: – Получай на здоровье! Выпьешь, приходи еще, пожалуйста!

Это было пиво «Старый адмирал». В бутылке с черно-золотой наклейкой и выпуклыми оттисками парусных кораблей на стекле. Стекло было холодным, но Артем для порядка спросил у хозяина горшков и рогатки:

– А оно у тебя свежее?

– Ай, зачем ты думаешь «несвежее»?! – завопил хозяин. Белобрысый и курносый, он почему-то старательно копировал южный акцент (и этим был неприятен Артему). – Совершенно свежее! Пей прямо здесь! Если скажешь «плохое», дам другую бутылку! Или сумму товара, пожалуйста!

– Ладно, ладно... – И Артем пошел прочь.

О железную скобу на садовой скамейке он скovyрнул пробку. Прижал пену ладонью, подождал, глотнул. «Старый адмирал» и правда был хорош. Артем, прихлебывая на ходу, снова зашагал к алому шару с рекламой Нординвеста. Недавний страх еще не пропал совсем. Осел в душе свинцовой пылью. Да нет, не страх, а память о нем. Досадливая и стыдная.

«Ладно, замнем, – сказал себе Артем. – Перестань думать про это». И перестал думать про это. И начал опять смотреть на праздник.

Скоро он вышел на край площади, заставленной киосками и пестрыми зонтиками летних кафе. Алый шар оказался над головой. Теперь он выглядел совсем громадным. Надписи уже не было видно, зато виднелось широкое горло, а под ним гудящая газовая горелка. От шара тянулись тросы. К ним привязана была обширная корзина – днищем она касалась асфальта. Над плетеным краем виднелись три рожицы перепуганных и счастливых мальчишек. Сейчас парень в опереточной синей униформе начнет крутить лебедку, шар на веревке пойдет вверх, и юные аэронавты смогут с полутора сотен метров обозреть родимый город. С высоты он, небось, кажется еще более праздничным и беззаботным.

«А ну как перегнутся через край да загремят вниз? Да нет, они там, наверняка, пристегнуты... А если лопнет веревка?.. Тьфу, какая же ты зануда, Тём! Всю жизнь у тебя на уме одни страхи...»

Не оглядываясь больше на шар (а хотелось!), Артем пересек шумную площадь, вышел на темную от старых лип Ковровую улицу. Прихлебывал изредка. Пиво по-прежнему было холодным, и оставалось его в бутылке еще много. И почти не убавилось, когда Артем прошел Ковровую навывлет.

А собственно говоря, куда он идет? Ну да, к Кирпичному поселку (где, кстати, почти нет кирпичных домов), на заросшую лебедой Коннозаводскую улицу, где невпопад орут петухи и у щелястых заборов пасутся меланхоличные козы. Это понятно – если не знаешь, куда идти, ноги сами поворачивают к дому.

А дома-то что? Сидеть в голой, с запахом извести комнатухе и слушать, как старая тетка на кухне гремит кастрюлями? Ей, тетке, всегда хочется, чтобы Артем вышел на кухню и завел беседу. Но ему не хочется...

Впрочем, жаловаться на тетку грех, она к нему добрая (хотя даже не родная, а отдаленная: мамина двоюродная сестра). Сразу приняла Артема как своего, когда он появился у нее и робко спросил, «нельзя ли приткнуться тут на пару недель».

– Живи хоть сто лет! Угловая комната в аккурат будет для тебя! Я же одна в этой хибаре!.

– Ну что вы, тетя Анюта, какие сто лет. Самое большее – до осени. В институте к сентябрю обещали общежитие...

2.

В институте его восстановили без всякой волокиты. В один момент. Он-то думал, что скажут: сдавай-ка, голубчик, все заново или поступай опять на первый курс. Но пожилая деканша, подслеповато щурясь, закивала и завздыхала понимающе:

– Ну, как же, как же. Помню вас, Темрюк. Зачетка сохранилась? Вот и хорошо. Подайте заявление, и начнете заниматься с третьего семестра.

Заявление Артем написал тут же. Деканша прочитала, покивала одобрительно:

– Все правильно. Только вы слегка ошиблись в наименовании института. Мы уже в разряде государственных вузов. И теперь, кстати, вас из нашего учебного заведения не призывают, не имеют права...

– Меня, Алла Юрьевна, и так больше не призовут. Никогда...

Кирпичный поселок лежал на северной окраине города. Широкий клином он врезался в обширные пустыри. Это были территории заброшенных заводов. Когда-то заводы работали во всю мощь и выпускали такую секретную продукцию, что говорить о ней было принято шепотом и с оглядкой. Потом наступили иные времена и оказалась, что продукция эта всем «по фигу». Гулкие бетонные цеха начали пустеть и оседать. Рельсовые пути заросли буйным репейником и нежным розовым кипреем. Линии трансформаторных подстанций полопались и обвисли. И через десять лет казалось, что запустение, безлюдье и дикая зелень царствуют здесь уже целый век. Над громадами, которые когда-то чадили и гудели, струился и дрожал теперь тихий бездымный воздух...

Местами заводские пустыри были по-прежнему обнесены кирпичной стеной или бетонным забором. Кое – где сохранились даже проходные будки. Но давно там не было вахтеров и сторожей. И, наверно, всё уже, что по силам, растащили с бывших заводов охотники за цветными металлами и прочим даровым добром...

Теткин домик – бревенчатый, кривой, в три окошка – стоял в начале улицы. Артем прошел мимо. Прихлебывая из бутылки, двинулся в дальний конец Коннозаводской. До встречи с Ниткой оставалось не меньше четырех часов, надо было как-то израсходовать время.

Мысли о Нитке опять стали главными и грели все сильнее. И окраинная тишина после праздничного гвалта бульваров и площади была теперь особенно по душе. Гудел шмель, перекликались на огородах петухи, но это не мешало тишине.

Артем шагал вдоль палисадников, и сперва никто не попадался навстречу. Ни машины, ни люди. Потом по заросшей обочине прокатили на одном велосипеде две девчонки в шортах и ярких безрукавках – веселые, с длинными летучими волосами (как у Нитки, только светлыми). Та, что за рулем, громко сказала незнакомому Артему «здрассе», потом обе захотали. Наверно, был он для них смешон – сутулый, длинноносый, волосы торчком, на носу

«очки-велосипед». Да еще пиво дует на ходу, как заправский «бизнес-бой»... Ладно, для Нитки он хорош и такой.

Артем не рассердился на девчонок. Оглянулся. Помахал им бутылкой.

Улица уперлась в изгородь из перекошенных бетонных плит. Плиты стояли в могучих лопухах. Вдоль лопухов тянулась тропинка. Артем пошел по ней, посматривая, где бы присесть. В стеблях с белым мелкоцветьем лежала каменная балка. Артем сел, вытянул ноги, поднял бутылку. Глянул на солнце сквозь темное стекло с выпуклыми корабликами. Вот это да! Жидкости еще почти половина! Воистину волшебный сосуд.

Артем опять приложился к горлышку, а когда опустил бутылку, увидел в двух шагах мальчика.

Это был довольно потрепанный пацаненок. Не беспризорник, но и не из тех нарядных деток, что резвились на бульварах. Крайний житель примерно десяти лет отроду. В пыльных вельветовых штанах с проплешинами на коленях, в стоптанных полуботинках на босу ногу, в куцей замызганной майке с неразборчивым узором из рекламных этикеток. Наверно, когда-то мальчишку постригли ежиком, а теперь светлые волосы отросли и торчали беспорядочной щеткой. Темные глаза были вопросительные и робкие. Но смотрели на Артема неотрывно.

– Тебе что? Бутылку? – понимающе сказал Артем. И подумал: «Такую ведь нигде не примут. Или он не для продажи, а как игрушку? Потому что с корабликами?» – Подожди, сейчас допыю...

– Да мне бутылку не надо... Мне вас...

– А что такое? – Странно: он почему-то встревожился.

– Мне... можно я спрошу?

– Валяй, – ободрил пацана (и себя) Артем.

– Вы, если отсюда пойдете, то в какую сторону?

– Знаешь, мне абсолютно все равно, – честно сказал Артем.

– А тогда... можно вон туда? – Он махнул вдоль тропинки тонкой (не очень чистой) рукой. – Можно? А я с вами...

– Ну... давай. А в чем дело?

– Да там... какие-то хипари. Поймать могут...

«Хипари» – это ведь, кажется, хиппи. Они вроде бы миролюбивый народ, – мелькнуло у Артема. – Хотя кто их знает, нынешних...

– А чего они тебя невзлюбили?

– Да они со всех пацанов деньги трясут...

– А ты что, при больших деньгах? – усмехнулся Артем.

– Да я ни при каких... – Мальчик чуть улыбнулся, ощутил, видимо, симпатию Артема. – А это еще хуже. Не найдут ничего в карманах, записхуют, испинают всего... Они всегда звереют, если у них ломка, а дозу добыть не могут...

«До чего же все-таки сволочной этот мир...»

– Ладно, пошли... – Артем крупными глотками допил наконец «Старого адмирала», аккуратно поставил бутылку на камень. Поднялся.

Тропинка была узкая, мальчик пошел впереди. Артем смотрел на его щетинистый затылок, на тонкую, успевшую загореть шею с подтеками от неряшливого умывания. «А ведь он похож на *тех двоих*. Вернее. на одного из них, на младшего. Не лицом, конечно, а щуплостью своей и незащищенностью». И локти у пацана были такие же – острые и немытые...

Изгородь и тропинка сделали плавный поворот. В чертополохе валялся остов какой-то допотопной легковушки. Рядом с ним кучковалась компания парней лет пятнадцати. Двое бритоголовых, двое заросших по плечи, а один с шевелюрой, покрашенной надвое: в желтый

и зеленый цвета. В обвисших «адидасовских» фуфайках, в разноцветных штанах, похожих на широченные футбольные трусы.

Они медленно глянули на тех, кто подходил.

– Можно я возьму вас за руку? – торопливо шепнул мальчик.

– Лучше вот так... – Артем взял его за щуплое плечо, придвинул к себе. Тот сразу притиснулся – благодарно и доверчиво. Идти по тропинке рядом было неудобно, тесно, лебеда и сурепка стегали по штанинам, но Артем и мальчик именно так, вплотную друг к другу, прошагали мимо «хипарей». Те проводили их тусклыми взглядами. Мол, накакать нам на весь белый свет, а на вас двоих – в первую очередь...

Когда прошли шагов сорок, мальчик отодвинулся. А еще через полминуты шепотом сказал:

– Ну вот, всё... Спасибо.

– Пстой, а куда ты теперь? – Артем спиной чувал, что «хипари» маячат еще неподалеку.

– А вон туда... – В плите бетонного забора, за репейником и бурьяном виднелся пролом.

– Не боишься, что они тебя там догонят?

– Там-то? – слегка удивился мальчик. – Они туда и не полезут даже...

– Думаешь, не полезут? Давай я все же провожу еще...

– Да не надо. Вам туда.. вы туда тоже не пролезете.

– Почему? Дыра вполне обширная.

– Да не в том дело, что обширная... ну, вообще... у вас не получится, – мальчик говорил это неловко и даже с сожалением.

– А может, попробуем? – поддразнил его Артем.

– Не надо... – это было уже почти с испугом.

«Может, игра такая. Или какие-то тайны у них там, у ребят...»

В это время из пролома выбрался сквозь сорняки косматый пес. Ростом с овчарку, но беспородный, с полувисячими ушами. С мусором в серой шерсти. Расставил крепкие лапы, беззлобно глянул янтарными глазами.

– Бом! – стремительно обрадовался мальчик. Сел на корточки, взял пса за уши, ткнулся своим носом в собачий нос. Бом замахал серповидным лохматым хвостом.

Потом пес освободил голову, обнюхал колени Артема. Глянул на него снизу вверх, снова помахал хвостом.

Мальчик осторожно обрадовался:

– Ой, да он будто знает вас...

– Просто меня любит всякая собака... Ну, теперь ты не один. В случае чего этот зверь тебя в обиду не даст. Правда, Бом?

Пес опять махнул хвостом.

– Счастливо, – сказал Артем мальчику и собаке. Захотелось ему на прощанье снова тронуть мальчишку за плечо, но не решился. И пошел все той же тропинкой. А когда оглянулся, мальчишки и пса уже не было.

3.

Случайная эта встреча почему-то порадовала Артема. И первые две минуты он шел вдоль бетонных плит с улыбчивым настроением. Но вдруг без всякой причины – опять! Будто мутный осадок всколыхнули над донышком стакана. Страх – не страх, но... И Артем ощутил желание уйти с открытого места. Куда-нибудь в тень... Может, в тот пролом, следом за мальчиком и собакой?

Словно там, за забором, было совершенно безопасно.

Господи, а здесь-то какая опасность, откуда? Не было вокруг никого, даже «хипари» исчезли.

«Не долечился ты, приятель, вот что. Сам это понимаешь. А раз понимаешь, держи нервы в кулаке...»

«Ладно, буду держать... Да и чего я боюсь-то? Давай поразмыслим трезво. Ну, допустим, случилось невозможное. Допустим, это в самом деле был *он*. Живой. Как-то оказавшийся здесь, в трех тысячах верст от *того* места. Ну и что? Какой вред он сумеет причинить? Что сможет доказать?.. И почему я должен бояться его, а не *он* меня?»

Это рассуждение наконец все расставило на места. Артем с облегчением шевельнул плечами и рассмеялся. Горечь и опасение пропали. Но... не пропало желание пролезть в тот пролом. Только теперь толкала туда не тревога, а... ну, непонятно, что. Вроде ребячьего жгучего любопытства.

«Неловко получится. Мальчишка решит, что я за ним шпионю».

«Но его уже и нет там, наверно! Что он будет пастись у забора...»

«К тому же, у меня есть причина. Чтобы не добираться до Фонтанной площади через центр, я могу перейти пустыри напрямик – вот так, на восток – и там выйти к Арбузному рынку. Оттуда на автобусе до фонтана совсем недалеко...»

А кроме этой причины Артем ощутил внутри себя еще одну, очень вескую: дало знать себя выпитое пиво. Конечно, можно приткнуться к забору и здесь – кругом никого. Но все же как-то неловко. А там, за оградой, наверняка есть совсем глухие уголки. И надо поспешить, елки-палки...

Артем прошел по тропинке назад, поравнялся с проломом. Пролез в него через чащу бурьяна. За плитами тоже была бурьянная чаща, а рядом – целая роща великанского репейника с цветущими, мягкими еще головками.

Артем проник в узкое пространство между репейниками и забором. Здесь валялся непонятный механизм с кривыми трубами и ржавыми шестернями. Уединение и тишь... «Уф...»

В середине процедуры (в ней было великое удовольствие и облегчение) репейники закачались. Артем скосил глаза. Из листьев высунулся Бом. Хорошо хоть, один, без мальчишки. Бом смотрел внимательно, Артем засмутился.

– Понимаю, не одобряешь...

Бом философски мотнул головой: чего, мол, там, дело обыкновенное.

– Пойдем, дружище.

Они выбрались на солнце. В мелких ромашках и клевере Артем различил тропинку. Вела она, вроде бы, туда, куда надо, на восток. Потому что стоявшее на юге дневное солнце светило справа. «Вот так и свети», – сказал ему Артем. И глянул в другую сторону. Там, над синеватой громадой заброшенного цеха, висела почти круглая, слабо различимая в синеве луна. «Привет», – сказал ей Артем.

В детстве Артема удивляло и радовало, если днем замечал он луну. Это казалось волшебством: ведь луне полагается светить ночью!

– Мне надо вон в ту сторону, чтобы сократить путь, – сказал Артем Бому. Тот, видимо, одобрил это намерение. Затрусил впереди.

Тропинка вела Артема то по невысоким луговым цветам, то по зарослям иван-чая (он же кипрей), то по лужайкам, желтым от большущих одуванчиков. Кругом подымались заросшие бугры – под ними угадывались груды бетонных конструкций и остатки непонятных великанских машин. За буграми в струящемся воздухе туманно виделись корпуса цехов-исполинов. Темнели решетчатые эстакады и башни.

Кажется, вместе с пивом из Артема вылились остатки тревог и беспокойных мыслей. На него сошло полное умиротворение. Да и не могло быть иначе среди громадной солнечной тишины, безлюдья и зелени.

Кустились по сторонам рощицы кленов. Высоко подымались стоявшие по одиночке вековые тополя (как они тут сохранились во времена индустриальной мощи?).

Иногда встречались строения: вышки водокачек, приземистые здания старинных мастерских с выбитыми окнами, кирпичные домишки диспетчерских служб, трансформаторные будки. Порой тропинка ныряла под толстенные, причудливо изогнутые трубопроводы на подпорках. По трубам ходили деловитые вороны, отрывали клювами куски от сгнившей теплоизоляции. Здесь же мельтешили воробы-пацанята: видимо, дразнили сердитых теток-ворон.

Один раз попался на пути совсем не «производственный», а обычный домик: кособокий, с обломанными наличниками, но с целыми стеклами в рамах. За стеклами виднелись занавески, на палисаднике висел сплетенный из тряпиц выстиранный половик. На изгороди сидел рыжий петух, который глянул на Бому равнодушно, а на Артема подозрительно.

«Неужели здесь кто-то живет?»

Бом иногда шел в двух шагах перед Артемом, а случалось, убегал вперед и пропадал на несколько минут. Ну и правильно, он ведь в проводники не нанимался...

Миновав «сельский» домик, Артем вышел на обширную лужайку среди иван-чая. Густо летали белые бабочки. Их порой трудно было отличить от ромашек. Потом в траве что-то зашуршало, словно Артема испугался мелкий зверь, бросился наутек. Да нет, не зверь, а странный предмет, Будто убегал сквозь ромашки фанерный ящик. Вроде тех, что делают для посылок.

– Бом, что это?

Но пес очередной раз усвистал куда-то.

Может, здешние ребятишки играют? Таскают на шнуре ящик. Воображают, что это трамвай или луноход... Или просто почудилось. В этой солнечной и зеленой завороченности и впрямь возможны всякие наваждения.

Вот еще одно...

Артем услышал дробный жестяной стук и слева от тропинки, на глиняной проплешине, увидел существо. Длинноухое. Оно передними лапами барабанило по ржавому ведру.

Больше всего этот зверь был похож на крупного зайца – и ушами, и мордой, и поведением. Только вот шерсть... Она была как у лисы (правда, не яркая, а грязноватая, в травяном мусоре).

Заяц перестал барабанивать и глянул на Артема слегка самодовольно: вот, мол, как я умею.

– Врешь ты, – сказал Артем. – Рыжих зайцев не бывает.

Рыжий заяц чихнул. Повернулся к Артему коротким хвостом. Задними ногами отбросил ведро, потом сильно заскреб ими, послал в Артема заряд глиняных крошек. Так рассердившиеся собачонки показывают недругу свое презрение.

– Хулиган, – сказал Артем, отряхивая джинсы.

Рыжий хулиган по длинной дуге сиганул в иван-чай. Артем задумчиво посмотрел ему вслед. И пошел дальше.

В десяти шагах от кирпичной хибарки он встретил старика.

4.

Старик вышел из-за угла, встал у края тропинки. Следом вышел Бом, сел у его ног. Подмел хвостом подорожки.

Старик был высокий, безбородый, в белой панамке. Он смотрел на Артема сквозь старинное (прямо чеховское) пенсне. Оно чудом держалось на крошечном вздернутом носу. Глазки за стеклами были круглые, светло-голубые. Доброжелательные.

«Надо бы поздороваться», – дошло до Артема. Но старик опередил:

– Добрый день, хороший человек...

– Добрый день... – Артем чуть принужденно улыбнулся. – А откуда видно, что я хороший?

Старик помял пальцами дряблый подбородок с тремя торчащими волосками.

– Да знаете, сударь мой, плохие здесь не встречаются. Что им тут делать?

– «Чужие здесь не ходят», да? – вспомнил Артем название давнего фильма.

– Получается, что так, – покивал старик. – Да вот и Бом вас за своего признал...

Бом опять подошел к Артему. Потеря кудлатой мордой о штаны.

– Меня всякая собака любит...

– Бом – не всякая собака, – деликатно, хотя и с ноткой осуждения, возразил старик. С усилием нагнулся и потрепал Бому по ушам.

– Менее всего я помышлял обидеть столь достойного представителя четвероногих, – галантно оправдался Артем. – Наоборот...

Старик выпрямился, глазки за стеклами заискрились.

– А смею ли я полюбопытствовать, то привело вас в столь мало посещаемые места? Свойственное молодости любопытство или некое конкретное устремление?

– Конкретное. Увидев пролом в стене, я вознамерился пересечь пустыри в восточном направлении, чтобы значительно сократить путь к намеченной цели. Бом вначале поддержал меня и вызвался служить проводником, но потом устремился вперед... Уж не затем ли, чтобы способствовать нашей встрече?

Излишне светский стиль общения слегка забавлял Артема. Старика, видимо, тоже.

– Бом всегда знает, что делает. Он, видимо, решил, что я могу быть вам полезен. Однако же, чем?

– Буду признателен, если укажете верное направление. Попаду ли я к Арбузному рынку, двигаясь на восток. То есть когда справа от меня солнце, а слева луна?

– Какая именно луна?.. Ах, да!.. Одну минуту... – Старик вытянул из под мятого подола синей, надетой навывпуск рубахи часы на цепочке. – Сейчас три минуты третьего. Тени только начали расти. Ежели вы двинетесь сей момент, выберетесь за ограду лишь к вечеру. А если помедлите около часа, путь ваш займет не более тридцати минут.

– Однако же... – озадаченно сказал Артем. Озадаченность была, впрочем, не сильная. Не больше, чем от встречи с оранжевым зайцем.

– Что поделаешь... – Старик не спеша спрятал часы. – Приходится считаться с некоторыми странностями здешних мест... А пока – даже не знаю, чем вам помочь. Может быть, желаете чайку? Так сказать, в ознаменование встречи? Жилище мое убого снаружи и внутри, но чай хорош, скажу не хвалясь. В здешней округе растет травка, именуемая местными обитателями «рысье ухо». Я добавляю ее в зеленый чай, и сочетание, смею вам признаться, необыкновенное. Советую убедиться.

Старик был симпатичный. Несмотря на помятый вид (рубаха эта балахонистая, жеванные штаны, шлепанцы на босу ногу) ощущалась в нем принадлежность к интеллигентному сословию. Эдакий зав. библиотекой или работник архива, подавшийся на пенсии в сторожа-отшельники. К тому же, Артем понял, что очень хочет есть. Завтраком его был стакан молока с горбушкой, а сейчас уже минуло время обеда. Может быть, старик даст к чаю хотя бы сухарь или пряник?

– Если мой визит не слишком обременит вас...

– Что вы, что вы! Гости здесь так редки, они всегда в радость...

Бом подтвердил слова старика интеллигентным движением хвоста.

Старика звали Александром Георгиевичем. Это он сообщил, когда возился с большим и маленьким чайниками, накрывал бумажной скатертью дощатый шаткий стол и доставал из висячего шкафчика фаянсовые кружки.

– А меня зовут Артем...

– Позвольте без отчества?

– Разумеется. К чему лишние сложности...

– Вы правы. Мои пожилые соседи меня называют тоже попросту – Егорыч. А более юные – дядя Шура.

– Александр Георгиевич... – Артем поудобнее устроился на скрипучем стуле. – Вы уже не впервые упоминаете обитателей здешних мест. А у меня сложилось впечатление почти полного безлюдия этих пространств. Я шел по пустырям довольно долго, и вы – первый встречный. За исключением Бомы и странного существа, похожего на рыжего зайца. Оно отнеслось ко мне пренебрежительно.

– Рыжего, говорите? Это, скорее всего, Евсей. Личность невоспитанная, но беззлобная. Здешние зайцы все такие. Рыжих, впрочем, мало. Больше серых в полосочку, черных с белыми грудками и пестрых – типичная кошачья окраска...

– Откуда же столь странная порода?

– Трудно понять. Возможно, результат здешних аномалий. Это не самая большая загадка наших мест... Кстати, появились зайчики всего года три назад. Они почти ручные. Иногда шалят на огородах, но в меру. Знаете, как озорные мальчишки, из любви к приключениям.

– Огороды... Значит, пустыри и впрямь не совсем безлюдны?

– Эти пространства, если и называют Безлюдными, то как бы с большой буквы. Отмечая их тишину, необустроенность и относительную малолюдность по сравнению с городскими районами. А вообще-то жители здесь есть... А то, что их мало, оно и понятно. Не многие стремятся сюда. А из тех, кто захочет, не всякий еще и попадет...

– Почему же?

– Ну... это требует долгих объяснений. Да и не всегда они есть... Вот вы, к примеру сказать, проникли сюда через пролом в стене. Большинство же этого пролома не заметит и пройдет мимо...

– Гм... А если кто-то решит через забор?

– Это может кончиться неприятностью. Не слишком большой, но болезненной: ушибом или вывихом... Впрочем, ведь и заборы не везде, а посторонних здесь, тем не менее, мало. Почти никому до Безлюдных пространств нет дела, город забыл про эту окраину... Возможно, вы обратили внимание на одну примечательность?

– Какую же?

– Здесь над заброшенными цехами осталось немало высоких труб. А с городских улиц не видно ни одной...

«А ведь в самом деле!»

Разговор этот шел, пока на газовой плитке булькал зеленый эмалированный чайник, а старик в другом чайнике – маленьком – заваривал травки. Запах пошел необыкновенный. Так, наверно, пахнет в цветочных зарослях экваториального леса. Из хлипкого, с черными пятнами побитой эмали, холодильника старик достал масленку и банку с темно-красным содержимым, выложил на стол батон. Артем переглатывал слюну. Потом он откусил от ломтя со слоем масла и земляничного варенья, вдохнул из большущей кружки тропический запах и понял, что ему никуда не хочется идти.

Ой, нет, увидеть Нитку хочется, конечно! Но хорошо бы посидеть здесь подольше. Пахучий чай и прохлада кирпичного домика принесли ощущение полного покоя. И безопасности...

Артем жевал бутерброд и поглядывал по сторонам. Наверно, домик раньше был диспетчерской будкой. Крошечная прихожая и большая квадратная комната. Жил старик и правда убого. Старая диван-кровать, небрежно покрытая вытертым шотландским пледом; кривые стулья, окошки с занавесками из разномастных кусков ткани, лампочка под треснувшим стеклянным колпаком. Но чисто – половицы выскоблены и побелка на стенах свежая...

Между окнами висел большой календарь с тропининским портретом Пушкина. В углу пристроилась шаткая этажерка. Книги распирали ее. Среди книг немало тяжеловесных словарей. Да, старик Егорыч, видать, и вправду не прост.

На верхней полке этажерки стояли высокие бронзовые часы с завитушками и фарфоровым циферблатом – наверно, вещь из какой-то прошлой жизни Александра Георгиевича. А рядом с часами Артем увидел деревянного кота. Фигурка была ростом со стакан. Симпатичный косматый котик сидел на пеньке и водил смычком по виолончели. Инструмент и музыкант искрились бесцветным лаком.

– ...Часы эти весьма примечательны, – услышал Артем старика. – Их пожилой механизм оказался весьма чуток и приспособился к здешнему течению времени, которое, прямо скажем, не без фокусов...

– Я, по правде говоря, на кота смотрю. Знакомая личность. Такими торгует в сквере у Мельничных прудов конопатый мальчишка...

– Это Андрюшка, мой сосед. Большой талант. Сам вырезает, сам продает... Э, да это, случайно, не вы помогли Андрюшке, когда к нему привязались некие беспардонные субъекты?

– Было...

Три дня назад по дороге из института Артем зашел в сквер на берегу пруда. Там всякий люд продавал мелкий самодельный товар. Бабки предлагали вязаные шапочки и пестрые вертушки, тряпичных кукол и раскрашенные холщовые коврики. Бородатые художники расставляли вдоль поребриков пейзажи небывалых цветов и готовы были за умеренную плату с каждого сделать моментальный портрет. Подвыпившие дядьки сидели у клеенок с разложенными на них старинными ключами, медными дверными ручками и подсвечниками... А в сторонке от других, между кустами желтой акации сидел по-турецки пацан с удивительно веснушчатым круглым лицом, к которому совсем не подходила гладкая белобрысая прическа. Перед ним на картоне были расставлены деревянные фигурки: рыцари, клоуны и коты-музыканты...

– Может, купите? – спросил мальчик, когда увидел, что Артем приглядывается. Глаза у мальчишки были зеленые – такие же, как его яркая майка. И просящие. Артем виновато хлопнул себя по карманам: без гроша, мол. И пошел... И почти сразу услышал тихий вскрик.

Мальчик уже не сидел. Его держали на весу два тощих типа джинсово-ковбойской внешности, в шляпах «вестерн». Вернее, держал один – за майку и такие же пестро-зеленые шортики. Второй – совсем сопляк, лет пятнадцати – хихикал и приседал, заглядывая пленнику в лицо. Пленник попискивал и болтал пятнистыми от комариных укусов ногами, с которых слетели хлипкие сандалеты.

– Тридцать процентов выручки, – говорил «ковбой», потряхивая продавца. – Считать умеешь?

– Нету у меня! Я еще ничего не продал!

– Нету? Билли, разберись с товаром...

Юный Билли отвел ногу, чтобы тexasским башмаком шарахнуть по деревянному народу. Не успел. Артем был уже рядом и легонько направил сопляка головой в кусты. Тот захныкал там и зашарил, пытаясь найти шляпу.

Старший уронил мальчишку.

– Ты чё... интеллигенция. Щас разоришься на очках!.. Ой-я!

Артем крутнул ему руку за поясницу, не дал присесть, придвинул к себе – нос к носу. Глядя в глаза песочного цвета, доступно объяснил:

– Это, милый, не «ой-я». Хочешь «ой-я» по-настоящему?

– Пусти!.. Ну, ты чё, в натуре!.. Ай!

– Я «в натуре, ничё». А ты «вот чё»: сейчас вы с дружкой пойдете далеко и быстро. И больше никогда здесь не появитесь. А если где-нибудь увидите этого пацана, заранее гуляйте за угол... Ну?

В песочных глазках появилась болезненная осмысленность:

– Понял...

– Умница! – Артем развернул парня к себе спиной и придал ему легкое ускорение.

... – Ну, и они пошли, – со вздохом сказал он старику. – И я пошел. Вот и все.

– Андрюшка хотел догнать вас. Говорит, хотел даже подарить рыцаря. Но вы ушли так быстро, что он не решился бежать следом, побоялся оставить товар. Жаль...

– Жаль не это... – Артем опять ощутил нарек на тревогу. – Жаль, что не защитишь их всех. Да и этого Андрюшку!.. Где гарантия, что завтра к нему не привяжутся другие?

– Вы правы... Хорошо, что хотя бы *здесь* они в безопасности. Потому и резвятся от души. Слышите?..

И Артем услышал за открытым окном ребячий смех и крики. Так шумят, когда веселой гурьбой играют в жмурки или гоняют мяч. Тревога опять ушла...

Побеседовали еще – о том, о сем. Старик неторопливо и недлинно рассказал, что работал в сценарном отделе местной телестудии, но, «видимо, не вписался в рамки современных требований» и на пенсию его отпустили с охотой.

– После пенсии поехал в Муром к дочери, но, как говорится, не прижился. Вернулся в родные места. А квартира-то уже продана, понимаете... Рассчитывал снять угол у старого знакомого, а тот взял да и помер. Куда деваться? И тут знающие люди посоветовали: если ты, мол, человек без предрассудков и не боишься излучения, поищи жилье «за забором», на Пустырях. Брошенных строений там хватает, земли под огород – тоже...

– А что за излучение?

– Да никакого его тут нет! Я добывал приборы, измерял, все нормально. Разговоры одни... То есть фокусы встречаются, но для жизни совершенно безвредные... Так что если у вас вдруг проблемы с жилплощадью, подумайте... Тут, кстати, неподалеку вполне приличный домик, почти не требует ремонта, лишь стекла кое-где надо вставить. И никем пока не занят... Я сперва сам вознамерился перебраться туда, а потом подумал: зачем они мне, три комнаты? И здесь неплохо. К старикам, знаете ли, приходит со временем этакое ощущение разумной самодостаточности...

– А что... пожалуй, буду иметь ввиду, – сказал Артем. Наполовину всерьез.

– Имейте, имейте... Кстати, там и печка, и даже батареи. Теплотрасса здесь до сих пор действует. Она проходит через Пустыри в Нежинский микрорайон, перекрыть ее невозможно без ущерба для новых кварталов. И кое-какие электрические линии работают. Телефона, правда, нет...

– Не до жиру, быть бы живу...

– Да... И что еще плохо, почта сюда не ходит, за письмами и газетами надо шагать в ближайшее отделение. Впрочем, недалеко...

– Вы, кажется, всерьез меня уговариваете.

– А почему бы и нет? Почему бы и нет, сударь!.. Хотя, извините, я ведь не знаю ваших обстоятельств.

– Я пока и сам их не знаю...

– Тем более, тем более... Если надумаете, то лучше оформить жилье официально, в Городской управе. Муниципальная власть распродает здешние участки за чисто символическую цену. А строения вообще не принимаются в расчет, можете даже завладеть бывшим сталепрокатным цехом... А можете поселиться и явочным порядком, если чиновники вдруг закапризничают.

– Думаю, они не стали бы капризничать. У меня есть сертификат на бесплатное получение участка среди незанятых пригородных земель. Такие бумаги давали тем, кто увольнялся из Южной армии... Ну, не всем, а так называемым участникам миротворческих акций...

– Значит, успели повоевать?

– К счастью, недолго. Не хочется вспоминать...

Обоим стало неловко, но тут переливчато заиграли и ударили три раза часы. Бодро, не по-старинному.

– Надо же! Час прошел, как пять минут! – Артем торопливо встал. – Чай у вас чудный, Александр Георгиевич. Однако мне пора...

– Я надеюсь, это не последняя наша встреча?

«Зачем я ему?» – подумал Артем. Но сказал учтиво:

– Я тоже.

5.

Они вместе сошли с крыльца.

Собственно, крыльца не было, а была лишь утоптанная площадка перед низкой дверью. А вокруг площадки – клевер и подорожники. В траве играли Бом и рыжий заяц Евсей. Заяц насккивал сзади, молотил пса передними лапами по спине, а потом удирал. Но недалеко, носился кругами. Бом догонял его и опрокидывал тяжелой лапой. Евсей отбивался задними ногами. Это у него получалось здорово, не подступишься. Бом отпрыгивал и обиженно гавкал. Евсей вскакивал и удирал опять. Наконец он умчался далеко, в кленовые заросли. Бом хотел было кинуться следом, но раздумал. Подошел к деревянному столбу, по-кошачьи потерся о него мордой...

Косой этот столб врыт был на краю площадки. К нему прибили узорчатый чугунный кронштейн (похоже, что от старинного фонаря) и в метрах полутора от земли подвесили плоскую железяку – вроде небольшого полукруглого щита. Здесь же висела на шнуре березовая колотушка, совсем низко.

– Это что же, пожарная сигнализация? – усмехнулся Артем.

– А вот сейчас увидите...

В ту же секунду из кленовых зарослей, в которые удирал Евсей, выскочил пацаненок лет семи. Коричневый, голый до пояса и босой, но в длинных камуфляжных штанах. Подбежал, ухватил колотушку.

– Дядя Шура, можно я ударю?

– А здороваться кто будет?

– Ой... – Мальчишка посопел. У него была круглая голова с темным ежиком и темные восточные глаза. Ими он прошелся по Артему – от головы до башмаков. Стукнул себя колотушкой по тугому немытому животу и задумчиво сказал:

– Большой привет...

– Привет, – улыбнулся Артем.

- Дядя Шура, ну можно я ударю? Я хочу раньше всех.
- Ладно, поддержи традицию...

Мальчишка медленно, даже чуть торжественно отвел колотушку вытянутыми руками и вдарил по железу. Чистый громкий звон разошелся над лужайкой, умчался за кленовую чащу, иван-чай и тополя, многоговым эхом отозвался вдали...

Нет это было не эхо. В разных местах – и вблизи, и в дальних далях – тоже били по звонкому металлу.

- Похоже на колокола, – сказал Артем.

– Кое-где и вправду колокола, но не много. Больше рельсы развешены. Или баллоны от газа. Тоже звенят красиво.

- А зачем это? Игра такая?

– Пожалуй, что игра. Но не только. Можно сказать, обычай. Дети верят, что если звонить несколько раз в течение дня, все в этом краю будет славно: и погода, и настроение. И удачи во всяких делах... Ребятишки так и говорят: «Позвоним хорошую погоду»... А один мой знакомый выразился однажды научно: «Этот ежедневный перезвон стабилизирует автономную структуру здешних пространств». «Не знакомый, а ты сам, наверно, вывел эту формулу», – подумал Артем. Но не решился сказать. Ему и самому захотелось ударить в певучее железо, да постеснялся...

Перезвон плавно затих. Голопузый звонарь колобком укатился в заросли. Бом кинулся за ним. Артем пожал старику прохладную сухую руку и вновь двинулся через Безлюдные пространства.

Помня указания старика, он прошел между длинными бетонными цехами, пересек площадку с упавшим мостовым краном и минут десять шагал по заросшему рельсовому пути. По краям полотна рос буйный цветущий репейник, а между шпалами густо желтели одуванчики и сурепка – такой солнечный цвет.

Впереди стоял на рельсах разбитый товарный вагон. Из-за него выскочили пятеро пацанов. В юбочках из лопухов, в уборах из перистых листьев, с размалеванными рыжей глиной и черной грязью телами. С луками и копьями. Ясное дело, ирокезы. «Держись, бледнолицый!»

Но индейцы оказались мирными. Отошли со шпал, уступив дорогу. Глянули на незнакомца без робости, но и без вызова. Самый маленький (вроде недавнего звонаря) с той же задумчивостью произнес:

- Здрасте...
- Привет славному племени... – Артем придержал шаг.

Тогда мальчик постарше глянул Артему в глаза, наклонил к плечу голову в шлеме из белоплетки:

- А вы кто?
- Я... Артем.

Старший мальчик – тощий, высокий, тонколицый, в почти таких же, как у Артема, очках – звонко обрадовался:

- Значит, это вы тогда в городе спасли Андрюшку-мастера!
- Ну... было, – опять признался Артем. И запоздало изумился: – А откуда вы знаете? Я же ему не говорил, как меня зовут!

Они засмеялись – не обидно, а будто звали повеселиться вместе:

- Тут все уже всё знают. Раззвонили потому что...

Они проводили Артема вдоль вагона, помахали вслед луками и копьями. Потом вдруг самый маленький догнал его и торопливым шепотом спросил:

- А вы к нам насовсем или в гости?
- Не знаю, – вздохнул Артем.

Здесь было хорошо. И не хотелось уходить. Но Нитка ждала и времени оставалось уже немного. И мысли о Нитке с каждым шагом делались все крепче и радостнее. Становились главными.

Он миновал приземистую башню станционной водокачки и спустился с полотна в траву. Рельсы поворачивали влево, а идти нужно было вперед. На восток. Так, чтобы солнце было справа (и теперь уже чуть позади), а слабо различимая луна – с левой стороны.

Впрочем, сейчас луну закрывала водокачка. Зато впереди... тьфу ты, что за напасть!.. Рядом с верхушкой столетнего тополя висел месяц – лунная половинка. Тоже бледный, похожий на обрывок желтого облака.

Артем обмер – не от страха, а от жутковатого веселья. Такое бывает в раннем детстве, когда ты в полутемном зале смотришь театральную сказку. Артем попятился, сделал шагов десять назад. Месяц спрятался за тополь. Круглая луна выплыла из-за башни. На «лице» у нее было выражение: «Я здесь ни при чем».

«Смотри у меня...» – погрозил ей Артем. И зашагал вперед. Луна укатилась за башню опять, месяц с готовностью выскочил из тополиной листвы.

– Издеваетесь, да?.. Ладно, посмотрим, что дальше.

Луна опять показалась из-за водокачки, месяц вновь укрылся за тополем – уже за другим. На какой-то миг Артем успел ухватить их размашистым взглядом вместе. И... больше не стал их ловить – со странным ощущением, что излишнее любопытство может что-то сломать в здешней сказке. Что-то нарушить. А! «Стабильность автономной структуры здешних пространств»!

«Черт возьми, почему я не удивляюсь?.. Непонятные места. «Странная страна»... Воздух звенит... Или это в ушах? Или, может быть, звенит время? Вдруг оно здесь совсем другое? «Скажите, дети, мне: какое тысячелетие на дворе?» Кажется, это чьи-то стихи... А вот еще стихи:

Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна...

А они откуда?.. Ох, да ясно же откуда!

Здравствуй, месяц и луна...

Это из давней поры, когда познакомились с Ниткой...
Было это полжизни назад.

II. Герда и Кей

1.

Стихи сочинил шестилетний Кешка Назаров по прозвищу Кей. Он принес их в редакцию лагерной газеты «Дружная смена».

Редактором газеты был Артем Темрюк.

Почему его сделали редактором, Тём не понимал. Видимо, за «ученый» вид и очки. Писать заметки Тем не умел ну вот ни на столечко. Правда, он мог разрисовывать фломастерами заголовки, но это же дело художника, а не редактора! Но художником был Мишка Сомов.

Поскольку журналистских способностей Тем не проявил, настоящим редактором сделалась вожатая Шура – решительная девица с квадратной фигурой и толстыми косами. К Тему она испытывала некоторую симпатию – наверно, от того, что, как и он, ходила в очках. Тем сделался у нее «на подхвате». Бегал по отрядам и выпрашивал у пацанов и девчонок «ну, хоть две строчки про последние новости». Тыкая двумя пальцами, перепечатывал ребячьи каракули на допотопной машинке «Олимпия». Иногда помогал «худреду» Сомову раскрашивать буквы...

Однажды Шура велела Артему нарисовать объявление о литературном конкурсе. Пишите, мол, дорогие ребята, сказки и рассказы, поэмы и сонеты, трагедии и комедии и несите в редакцию любимой газеты. Лучшие творения напечатают. А за самые лучшие выдадут призы.

Ватманский лист с объявлением Тем прибил к фанерному щиту рядом с умывальниками. Народ сбежался. Оценили фигурные разноцветные буквы («Во Тём-Тём расстался!» – «Рюк, да ты, наверно, все лагерные фломастеры извел!» – «Труд художника весом, краски как у Пикассо!» – «Не Пикассо, а Пика́ссо!» – «Наградить бутылкой кваса!»).

Однако никто не кинулся создавать немедленно прозаические и поэтические шедевры. Позубоскалили и тихо рассосались, ничего не пообещав. Артем растерянно скреб макушку. Признаться, он ждал иного результата... И вдруг его легонько тронули за локоть.

Рядом стоял худой пацаненок с пепельными, подрезанными ниже ушей волосами. И вопросительно глядел на Тема серыми глазищами – такими, что им тесно было на маленьком треугольном лице с носом-клювиком, с припухшими обветренными губами и острым, украшенным коростой подбородком.

– Тебе чего? – осторожно сказал Тем. Люди такого размера и возраста казались ему слишком хрупкими.

Малыш переступил разбитыми сандалетками, заправил в цветные трусики белую, измазанную земляничным соком и золой матроску, глянул на объявление, потом вновь на Тема. Сипловато спросил:

– Можно, я сочиню стих?

– Конечно! Здесь же написано! Стихи, сказки, рассказы! Что хочешь!

– Я стих...

– Валяй! – Тем не ждал от новоявленного стихотворца полноценных строчек – совсем же кроха. Но рад был, что хоть кто-то откликнулся на разноцветный призыв.

– Пиши и приноси в штабной домик. Там редакция.

Малыш кивнул, снова поправил матроску и пошел. Глядя ему вслед, на мятый синий воротник, Тем вспомнил, что юное дарование кличут Ке́ем. Как героя «Снежной королевы».

«В самом деле, это такое скандинавское дитя, – подумал начитанный Тем. – Только для настоящего Кея мелковат»...

Кей пришел в редакцию сразу после тихого часа. Протянул Тему мятый тетрадный листок. И молча остался у двери – ждать редакторского решения.

Кривые строчки были написаны синим карандашом, печатными буквами.

Стих

Ёлки-палки, лес густой.
Путь по лесу непростой.
Там колючие шипы
Всех хватают за штаны.

Но за лесом тем, я знаю,
Сто волшебнистых лужаек.
Солнце светит с высоты
На цветущие цветы.

Там избушки бабов Яг
Стопом пляшут краковяк.
Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна.

Впрочем, запятые и точки Тем расставил мысленно, на бумаге их не было. Зато хватало ошибок. Например «ёлки-палки» было написано слитно, а «непростой» – через «а». Но разве в этом дело? Все равно это были стихи! И Тем протянул листок вожатой Шуре. Она и вожатый Демьян (влюбленный в Шурины косы) сдвинули над листом головы. Над ними навис художник Мишка Сомов. Из-за его плеча высунула голову длинная Кристя Самсун – командирша второго девчоночьего отряда и главная репортерша «Дружной смены».

Мишка хихикнул. Шура искоса глянула на него. И сказала деловито:

– Ну что же, Назаров. По-моему, это неплохо... А откуда ты знаешь про танец «Краковяк»?

– Мы его разучивали в детском саду. Это польский танец, его в городе Кракове придумали.

– Какой эрудит! – шепотом восхитился Демьян.

– Чего? – подозрительно сказал Кей. Он по-прежнему топтался у двери.

– Я говорю, что ты знающий человек, – разъярил кудрявый Демьян.

– А почему он написал, что избушки пляшут «со стопом»? – придиричливо вмешался глуповатый художник Сомов. – Они, что ли, тормозят во время своего краковяка?

– Не «со стопом», а «с топом», – сумрачно разъярил от порога автор. – Топают, значит. Они же тяжелые.

– Тогда «сы» надо отдельно!

– Чего ты, Сом! Он же еще в школу не ходил никогда, – ревниво заступился Тем.

– Конечно, – поддержала Тема Кристя Самсун. – Только... «бабов Яг» это все-таки немножко неправильно. Или я ошибаюсь?

– Ошибаешься! – разозлился на нее Тем. А вожатая Шура сказала, что в стихах можно по-всякому.

– Это же поэтический образ, – вставил Демьян и провел пальцами по своей пушкинской шевелюре. Кей стеснительно подышал у двери и сообщил:

– А если это не правильно, я могу еще по-другому. Вот...

А избушки баб Ягóв
Прыгают на семь шагов...

Редакция полегла животами на стол, застонала от сдавленного хохота.

Кей опять подал голос от порога. Негромко, но уже с дерзкой ноткой:

– А если не нравится, то отдавайте назад... Сами просили...

Его наперебой заверили, что «всем ужасно нравится, оттого мы и радуемся». Шура привела юного поэта к столу. Усадила на колени, дунула ему на волосы. Вытащила из них два репья. Он не противился, но и не размяк от этой ласки.

Шура обрела деловитость:

– Тем, перепечатай это, пожалуйста, набело... с необходимой корректурой. А черновик... то есть оригинал я возьму на память. Можно, Кей?

– Да, – великодушно сказал он и слез с колен. – Я пойду.

– Постой. А какую подпись поставить? С фамилией ясно, а имя? Иннокентий или лучше Кеша? Или... Кей?

– Лучше Кей, – сказал он, не отзываясь на улыбки. – «Иннокентий» – это долго писать. А «Кешу» я не люблю, это попугай из мультфильма.

2.

Газета вышла на следующий день. «Стих» Кея был напечатан в первоначальном варианте, где «краковяк». А строчки. А строчки про «баб Ягов» и «семь шагов» Тем поместил в конце – в виде приложения. Потому что редакция так и не смогла решить, *что* лучше.

Тем сделал к стихотворению большущую иллюстрацию. Бревенчатые избушки на курьих ногах водят хоровод в зарослях «цветущих цветов», а в ярко-синем небе «странной страны» – улыбчивая луна и рогатый месяц с хитрым глазом...

Кей сделался знаменит. Куплеты про «бабов Яг» и «баб Ягов» распевали по всему лагерю (на мотив модной песенки «Я люблю тебя, Катрин»). А малышей отряд, в котором состоял автор, хором декламировал по дороге в столовую:

Ёлки-палки, лес густой!
Путь по лесу непростой!

Но Кей не возгордился. Он был по-прежнему тих и сдержан и старался держаться уединенно. Тем заметил это, когда в суе лагерных дел несколько раз натыкался на этого малыша с длинными пепельными волосами.

После полдника Тем заросшей тропинкой у забора (чтобы отдохнуть от многолюдья и гвалта) возвращался из столовой. И вышел к лужайке, на краю которой стоял в лебеде дощатый мусорный контейнер. Из-за контейнера появился Кей.

– Тем...

– Чего? – Тем (странное дело!) почему-то смутился.

– Вот... на, – Кей протянул ему промокший от ягодного сока кулек из тетрадного листка. Такого же, на котором были стихи.

– Что это?

– Тебе... – В кульке была крупная луговая клубника.

– Да ты что, Кей... Зачем?

Серые глазищи глянули требовательно.

– Потому что ты не смеялся. Когда читали стих. Все смеялись, а ты нет...

– Ну... спасибо, Кей. Давай пополам. Подставляй ладони.

Он мотнул светло-серыми легкими волосами:

– Нет... Ой!

– Что, Кей?

– Нитка сюда идет. Подожди... – И малыш опять укрылся за контейнером.

А на лужайке возникла Анита Назарова.

Это была ровесница Тема. Из второго отряда девочек. В лагере «Приозерном» все ребята, кроме самых малышей, были почему-то поделены по «мальчишечьим» и «девчоночьим» отрядам. На Тема Анита не взглянула. По-журавлиному прошагала через лебеду к контейнеру. Уперлась руками в бока, расставила длинные коричневые ноги. Отчетливо сказала:

– А ну, вылезай, обезьяна.

Кей покорно выбрался из укрытия.

«Ох, да это же брат и сестра! – сообразил наконец Тем. – Фамилия-то одна...»

Кроме фамилии, в них не было ничего похожего. Анита Назарова – с черными густыми волосами ниже плеч, с резко-синими глазами. Нельзя сказать, что красивая, – худая, очень курносая, редкозубая, но эти волосы, этот синий блеск... Многие пацаны заглядывались. Но Назарова держалась всегда строго, хотя и позволяла назвать себя попросту Ниткой. Тем порой тоже поглядывал на Нитку с интересом. Но украдкой. Признаться, он ее даже побаивался...

Братишка стоял перед Ниткой – голова ниже плеч. Волосы закрыли все лицо. Он переминался и кулаками заталкивал матроску под резинку на поясе.

– Перестань ежиться, – металлическим голосом потребовала Нитка. – Встань прямо!

Кей слегка поднял голову и обнял себя за плечи.

– Бродячая кошка, а не ребенок! На кого ты похож! Опять перемазался, как чертенок в камине!.. Где ты был? Я тебе что говорила? Если будешь еще болтаться неизвестно где, получишь о-пле-уху!.. Ну-ка, опусти руки! Кому сказала!..

Кей прижал локти к бокам, вцепился в кромки трусиков, зажмурился. Потом приоткрыл один глаз.

«Если ударит, сразу дам ей по шее», – с отважным обмиранием подумал Тем. Результат мог быть плачевным: Нитка Назарова не из тех, кто позволяет безнаказанно давать себе по шее. Но Тем держал у груди мятый, истекающий соком кулек с клубникой, и подарил ему этот кулек малыш Кей, и как можно допустить, чтобы этого малыша кто-то лупил на глазах у Тема! Пускай хоть самая родная сестра!

К счастью, сестра не дала брату обещанной «о-пле-ухи». Из кармана таких же, как у Тема джинсов – истертых и обрезанных выше колен – она достала платок, помусолила его и принялась оттирать у Кея щеки и локти.

– Трубочист! Сейчас же иди к умывальнику и отмывай все черные места! А потом отправляйся в палату и жди меня там, я дам тебе чистую рубашку... чучело...

Кей виновато глянул на Тема и, чуть косолапя, ушел с лужайки. И тогда Тем удостоился внимания Нитки.

– А ты чего глядишь? Не видел, как воспитывают оборотов дошкольного возраста? – Это она не сердито, а, скорее, с усталостью.

Тем честно сказал:

– Я боялся, что ты его ударишь.

– Я?! Его?! О, Боже мой... Да я его только раз в жизни отшлепала, да и то с перепугу...

– С какого? – спросил Артем. Было почему-то неловко обрывать разговор.

– С какого перепугу? Он весной удрал из детского сада. И на соседнем дворе забрался в пустую голубятню. В такой домик на столбах... Я прихожу за ним в садик, а там все на ушах стоят, в милицию звонят... Тем, я чуть не померла...

Так у нее вдруг доверчиво получилось: «Тем, я чуть не померла...» И Тем увидел, что она не строгая, а в самом деле уставшая.

У Тема не было ни братьев, ни сестер, но он представил себя на месте Нитки, и... холодок по коже. Тут и правда помереть недолго.

– А что дальше?

– И тут какой-то дядька приходит, держит этого паршивца за руку и говорит: «Полез я голубятню чистить, а там этот гражданин свернулся калачиком и спит. Не ваш ли?» Ну, тут я заревела и надавала ему сумкой по штанам. Пустой, хозяйственной... А он хоть бы хныкнул. Только моргает глазищами... Я говорю: «Чего тебя туда понесло?» А он: «Потому что эта будка – как избушка на курьих ногах...»

– Ему, видать, эти избушки сильно нравятся... – Тем был доволен, что можно не кончать беседу. – Вот и в стихах он про них...

– Ты не знаешь! Он же целую сказку про них выдумал. Даже не сказку, а... прямо научную теорию. Будто такие избушки к бабкам Ягам попадают случайно. Будто бабки их крадут и угоняют, как цыгане лошадей...

– У кого?

– У какого-то кочевого племени, которое называется «бомзайцы». Или «бомзайчане»... Будто это племя живет за дальними сказочными лесами и полянами, в таких вот избах. И прямо в них кочует с места на место, целыми деревнями. И будто каждая собачья конура тоже с куриными ногами, их конур этих много, они ходят за избушками... А еще скворечники. Только не все, а те, в которых не захотели жить скворцы. Эти скворечники слезли с шестов и крыш и бегают за избушками и конурами, как цыплята за наседками. Я говорю: «А кто в них живет, если не скворцы?» А он: «У этих жителей еще не придумалось название...» Семи лет человеку нет, а уже всякие фантазии в голове. Что дальше будет?

– Дальше будет хорошо, – пообещал Тем. – Писателем сделается, станет фантастику сочинять, как Кир Булычев...

– Но сначала он сведет меня в могилу!

– Да что ты, Анита, – осторожно сказал Тем. – Он хороший. Только его понимать надо. Маленькие это любят. Вот смотри, он мне клубнику подарил за то, что я вчера над ним не смеялся... На... – И он протянул кулек.

Нитка глянула ему в лицо блестящими, как осколки синего блюдца, глазами и... взяла ягоду.

– Да бери еще!

Нитка взяла еще две.

Она и Тем неторопливо пошли вдоль забора. Тропинка была узкая, Тем сошел с нее. Сорняки хватали его за ноги, но он терпел, чтобы идти рядом с Ниткой. А ее беспокоило все то же:

– Думаешь, этот «писатель» умыться пошел? Опять усвистал куда-нибудь... Если бы он свои фантазии в нормальных местах сочинял, где все дети! А то ведь заберется в самую глушь и мечтает там. А потом – брык на бок и засыпает. Сразу! Такое у него свойство. И не докричишься... Его и Кеем называли поэтому...

– Почему?

– Потому что он как тот Кей, который удрал со Снежной королевой. Надо обойти пол-земли, чтобы отыскать его...

– Тогда почему тебя не зовут Гердой?

– Пробовали. Но я... выпустила все когти. Я это имя терпеть не могу. Оно какое-то... «г-р», «г-рр», будто камни во рту перекатываются.

– Анита лучше, – согласился Тем. Набрался смелости и добавил: – Даже «Нитка» и то лучше.

– Анита – испанское имя. Моя мама была на четверть испанка. По своему дедушке.

«Была... – отдалось в Теме. – Была?!»

Нет, не отдалось. Это он сказал. Шепотом. И сразу испугался.

Нитка отозвалась тихо и просто:

– Ну да. Мама умерла в позапрошлом году. От сердца.

– Нитка... ты меня прости.

– Господи, да чего ты такого сказал? Спросил только...

Они вышли еще на одну лужайку – позади домика, где обитал малышей отряд. Фанерное строение аж выгибалось наружу от веселого гвалта. Но на лужайке никого не было. На перекладине между столбом и высокой березой висели качели – широкая доска на канатах. Тем и Нитка поглядели друг на друга и... сели рядом на доску.

Качнулись.

– Кей, наверно, ждет тебя с чистой рубашкой, – осторожно напомнил Тем. Для очистки совести. А чтобы Нитка ушла, ему не хотелось.

И она не ушла.

– Никого он не ждет. Я же говорю: наверняка удрал. Он не терпит вот такого... коллективизма. – Она кивнула на домик. – Перед ужином опять придется искать.

– Ты... так и нянчишься с ним два года? Вместо мамы...

– Ох... скорей бы в школу. Может, поумнеет...

«А может, наоборот», – подумал Артем, у которого к школе было особое отношение. Но сказать это не решился.

Он не знал, как продолжить разговор. Сильно согнулся, стал чесать щиколотки. Искоса глянул на Нитку. Она пыталась дотянуться сандалеткой до валявшегося в траве красного мячика. Нога Нитки была в загаре, словно в длинном коричневом чулке. А между загаром и разлохмаченной джинсовой кромкой открылась полоска светлой кожи. На ней краснела длинная царапина – свежая, припухшая. Артем пожалел Нитку за эту болезненную царапину и тут же отвел глаза. А то перехватит Нитка его взгляд, подумает что-нибудь...

Он выпрямился. Они опять покачались. При каждом качании Ниткины волосы легко подымались над плечами. Она вдруг спросила:

– Ты о чем думаешь?

И тогда Тем, ужасаясь своей смелости, сказал:

– Я думаю... обычно у всех, у кого волосы черные, они прямые, гладкие и... тяжелые какие-то. А у тебя летучие, как паутина.

– Это я в маму.

Тем обрадовался, что знает теперь, о чем говорить:

– А Кей? Он в кого такой? В отца? – И тут же прикусил язык! Болван! А что, если отца тоже нет?

Своего-то отца он не видал, не слыхал. Мама говорить про него не любила: «Это был случайный в нашей жизни человек. Он не захотел про тебя знать. И куда-то исчез раньше, чем ты появился на свет... Темчик, разве нам плохо вдвоем?»

Ему было неплохо с мамой. Но у Нитки-то и у Кея – все по-другому!

Нитка сказала со вздохом:

– Нет, отец у нас не светловолосый. Он... коричневый такой и с веснушками. А Кей – сам по себе, ни на кого не похожий.

– А он... – чуть не задал новый вопрос Тем. И опять примолк.

Нитка в очередном качании толкнула наконец мячик. И с усмехнулась:

– Я знаю, ты хотел спросить, не привел ли отец Кею и мне мачеху.

Кей затеплел ушами. Глядя перед собой, Нитка сказала как-то отрешенно:

– Он не раз приводил. Толку-то... Поживут, поскандалят, и она уходит. Лучше бы никого не было... Лучше бы деньги на хозяйство давал, а то лишь пиво да приятели на уме...

«Вот она какая у них жизнь!»

Что тут скажешь?

И чтобы хоть как-то сравниться с Ниткой в семейном неблагополучии, Тем сумрачно признался:

– А я папашу своего никогда не видел. Он подался в бега, когда узнал, что я должен родиться.

– Может, и к лучшему, – так же сумрачно отозвалась Нитка.

– Может быть...

Они покачались еще. Потом Нитка прыгнула с доски, небрежно бросила: «Пока», и пошла прочь, будто вмиг забыла про Тему... Но нет, шагов через десять все же оглянулась. Быстро так, почти незаметно.

3.

До ужина Тем ходил в сладковато-тревожном раздумье. Был ли этот разговор с Ниткой совсем случайный или... протянулась между ними какая-то паутинка? Хотя – какая? Зачем он Нитке?

Тем не обольщался по поводу своей личности. Понимал: и характер, и внешность не такие, чтобы нравиться девчонкам. Да не очень это и огорчало Тему в его двенадцать с половиной лет. Хуже другое: не было друзей и среди мальчишек. Не принимали его всерьез. Видимо, был он в глазах пацанов типичный «ботаник». То есть книгочей-зубрильщик и всегда послушный маме ребенок.

А ведь это не так!

Впрочем, Тему не обижали и сильно не дразнили. Знали, что в случае чего он может снять очки, попросить кого-нибудь «подержи, пожалуйста» и полезть в драку – не очень умело, но без боязни. И подтягивался на турнике он не так уж хило, и плавал не хуже других, и четвертое место занял в беге на шестьдесят метров, а все равно... Рисовали на него беззлые карикатуры. Наверно, потому, что это было очень легко: перевернутая единица – нос, два ноля по бокам от него – очки, длинный минус под единицей – рот. А несколько торчащих в две стороны лучинок над очками – волосы. А каких только прозвищ не придумывали, так и сяк переворачивая имя и фамилию!

«Ар-тем-рюк».

«Тём – всё путём!»

«Тем-рюкзачок».

«Тем-рюк-зак – лихой казак».

Иногда окликали коротко: «Рюк!» (что было совсем уже глупо; известно, что «рюк» по-немецки это «спина»; хорошо хоть, что не другое место).

Была еще кличка «Терем» и даже «Тем-теремок».

Тем не обижался. А последнее прозвище даже нравилось: Теремком иногда называла его и мама.

...А Нитка... интересно все-таки, чего это она разговорилась с ним, с Темом? У нее и без того друзей и подружек пол-лагеря. Только и слышишь: «Ниточка, пошли с нами!.. Нитка, пойдешь на дискотеку?... Нит, мы с тобой в одной команде!» Или это не те друзья, с которыми, повздыхав, можно поговорить о жизни?

За ужином Тем поглядывал в сторону девчоночьего стола, но стол был далеко, да и сидела Нитка к Тему спиной.

После ужина была дискотека, Тем не пошел (осточертело – одно и то же), гулял просто так. В одиннадцать часов (на час позже, чем полагается) вожатые наконец всех разогнали по постелям. В палате и за открытыми окнами была духота. Тем помаялся и улизнул через окно, чтобы освежить голову под умывальником. Но вода из крана бежала теплая. Не прогоняла из головы ни тяжести, ни всяких мыслей. Досадую, побрел Тем обратно. Сосновые шишки кололи ступни. Нагретый воздух ну прямо липнул к спине – Тем улизнул из постели как был, в одних трусах и босиком.

На полпути к своему домику «М-2» (мальчики, второй отряд) Тем встретил Нитку.

Она тащила на руках Кея.

Тем узнал их издалека, хотя стояли густые сумерки.

Вообще-то летние ночи были светлые, хоть читай без лампочки, но сейчас в небе сошлись душные тучи, вдали погромыхивало, и сумрак сделался такой, что не разглядишь макушки высоких сосен (они росли по всему лагерю). Однако голова Кея светилась в темноте и Ниткины глаза, кажется, тоже. Будто синие огоньки.

– Ого, – сказал Тем, когда они с Ниткой сошлись на песчаной дорожке. – Это сокровище опять было в бегах? Где ты его нашла?

– В кладовке за игровой комнатой. Мечтал там один среди старых барабанов, а потом носом в коленки и бай-бай где сидел. Не разбудишь из пушки... – Она дышала с усилием.

– Давай его мне, – храбро потребовал Тем. – Умаялась ведь...

– Да ладно, я привыкла.

– Давай говорю.

Ого-го! Хотя и кроха, а вес нешуточный. Как Нитка таскает его каждый день? Тем выгнулся назад. Нести малыша было не только тяжело, но и неудобно. Волосы его отчаянно щекотали Тему плечо и нос – он даже чихнул на спящего Кея. Ноги у того болтались, твердая сандалия била Тема по бедру. К тому же приходилось придерживать локтем свои новые, с чересчур слабой резинкой трусы.

– Куда его? В цыплятник? – так назывался домик для малышни.

– Сперва надо ему лапы сполоснуть. Тут бочка недалеко.

Бочка с дождевой водой стояла рядом с длинной бревенчатой кухней, под водосточным желобом. Нитка стряхнула с брата сандалии, поболтала его ноги в теплой воде, вытерла их платком.

Потом они вдвоем (за ноги и за плечи) подтащили Кея к цыплятнику, там под лампочкой дежурила толстая вожатая Даля (для малышей – Магдалена Львовна).

– Наконец-то! Где вы его отыскиали?

– В барабанах, – выдохнул Тем.

– Давайте сюда, я сама его уложу.

Потом, с сопящим Кеем на руках, Даля оглянулась в дверях и сказала для порядка:

– Вы оба тоже брысь немедленно спать.

– Само собой... – Ниткин голос был усталый и честный. – Я так набегалась за ним, что с ног валюсь. Лишь бы не уснуть по дороге...

Но когда они отошли, Нитка сказала теплым шепотом:

– Я наврала. Совсем не хочется спать.

– И мне... Ох, а сандалии-то остались у бочки! – вспомнил Тем. – Пошли за ними!

– Да ну их, куда не денутся... Тем...

– Что?

– Давай сбежим куда-нибудь, а?

Он радостно обмер.

– Куда?

– Духотища такая. Искупаться бы...

– В купалке, наверно, вожатые бултыхаются. Сразу нас выловят.

– А давай на Запретку...

– С ума сошла, – искренне сказал Тем. И тут же перепугался: Нитка его презирает. Но она зашептала очень убедительно:

– Тем, я ничуть не сошла. Там же сейчас точно никого нет. Сторожей там и днем-то не бывает, а сейчас тем более. И купальщиков – тоже. Кто туда сунется в такое время?

Запреткой называлась водозаборная зона. Откуда качали воду для окрестных лагерей. В кирпичной будке стоял могучий насос, он гнал воду по трубам в цистерны и резервуары. Но включали его только днем и всего два раза в неделю. Техник придет и уйдет, а сторожей там и правда не водилось. Охранял Запретку лишь щелястый забор с остатками колючей проволоки наверху и поблекшими фанерными объявлениями, которые всё запрещали и грозили штрафами.

За купание без спросу отдыхающим в лагере грозили суровые кары. «Вплоть до...» Но, конечно, самовольщики находились. И на Запретку проникали. Очень уж чистыми были там берег и твердое песчаное дно. Случалось, нарушителей ловили. Но пока еще никого не выгнали, дело кончалось каждый раз шумным нагоняем на лагерной линейке... Впрочем, ни ребята, ни вожатые не попрутся на Запретку сейчас, чуть не в полночь, это же больше километра по кустам и буеракам. К тому же, там неподалеку заброшенная мельница, про которую, конечно же, полно историй. Про всякие там блуждающие огоньки и туманные фигуры...

Тем не боялся огоньков и фигур (то есть не очень боялся). Он страшился разоблачения и скандала. Но если бы даже грозило Тему сожжение на костре, он все равно не сказал бы о своем страхе. Тем более, что сильнее страха было уже «замысловатое» ожидание приключений. И не просто приключений, а с *Ниткой*. По коже разбегались то ли искорки, то ли снежинки.

– Нитка, только ты пойдешь впереди, ладно? Я и днем-то сквозь свои стекла вижу не всё, а сейчас, в зарослях...

– Конечно, Тем! У меня глаза как у кошки!

Пригибаясь, как два разведчика, они побежали к забору, где была всем известная щель. И скоро оказались за лагерем, в мягких, неколючих сосёнках.

– Тем, тут тропинка, давай руку, – и Нитка взяла его пальцы в горячую ладошку. Шагала она быстро, Тем поспевал следом, подхватывая левой рукой то очки, то трусы.

Потом сосенки кончились, начались валуны и шиповник – ладно хоть, не густой. А вверху – ни звездочки. Только низкая глухая тьма. Изредка выступали из нее кудлатые тучи с беспросветными провалами – это очень далеко зажигались медленные зарницы. Нитка при этом вздрагивала и сильнее сжимала пальцы Тема.

Густо пахло соснами, мхом, шиповником и всякой лесной и луговой травой. И еще был запах – от Ниткиных волос. Как у нагретого солнцем тополиного пуха, когда возьмешь его в пригоршню и уткнешься носом... Волос видно не было, но они отлетали назад и щекотали правое плечо Тема, когда он очень приближался к Нитке.

– Тем...

– Что?

– Уже скоро.

– Ага...

– Ты не очень испугался?

– Нисколечко.

– Тем... кроме тебя, никто из мальчишек, наверно, не пошел бы.

Теплая волна прошла по Тему. И от смущенья он брякнул сердито:

– Ох уж... что я, самый храбрый, что ли?

– Не в этом дело...

«А в чем?» – чуть не спросил он. Однако не посмел. Нитка решит, что совсем глупый...

– Нитка, а ты бывала на Запретке раньше? – «Вот дубина! Иначе откуда бы она так хорошо знала этот путь?»

– Конечно! И с девчонками, и одна... Я там знаю одно тайное местечко, в котором даже днем человека трудно заметить... Тем, я туда в тихий час бегала. А сейчас одна бы ни за что на свете...

Опять стали попадаться высоченные, как в лагере, сосны. И скоро возник в сумраке забор. Тем угадал его по запаху сухих досок и ржавой проволоки. Нитка выпустила пальцы Тема.

– Где-то здесь доска отодвигается... А, вот! Лезь за мной.

Тем расцарапал живот. Зато за щелястым шатким забором он ощутил уют и защищенность. По дороге сюда ему, правду сказать, чудились неземные чудища, вроде черных великанских осьминогов. А сейчас он... такое чувство, будто с ночной зловещей улицы попал на свой родной двор – тоже темный, но добрый и безопасный.

Вот странно... и хорошо. Ожидание близких приключений не пропало, но в этих приключениях не чудилось теперь никаких опасностей. Только радостное замирание и азарт.

– Нитка, где здесь твое секретное место?

– Идем... – и опять взяла его за пальцы.

Место было между остатками кирпичной стены и чем-то похожим на кривой домик, чья двускатная крыша одним концом уходила в воду. От крыши пахло теплым кровельным железом. Тем попытался приглядеться сквозь сумрак. Здесь, у воды, тьма была не очень густой. Вода слабо светилась и мерцала, будто в ней растворили алюминиевую пыль.

– Это старый ледорез, – шепнула Нитка. – Такая штука с острым гребнем на крыше. Раньше здесь была еще одна насосная станция, а ледорез защищал ее от льдин, когда весной они лезли на берег. Понимаешь, вода прибывает, а они лезут...

– Ага... – Тему ясно представилась атака ноздреватых ледяных пластов.

– А внутри там пусто, как в избушке. В случае чего можно укрыться...

– А куриных ног у этой избушки нет? – хихикнул Тем.

– Не знаю. Надо спросить у Кея... – Они сели рядом на песок.

Было тепло, влажно, пахло осокой.

– Купайся, – вздохнул Тем. – А я покараулю.

– А зачем караулить-то?

– Ну... ты же сама призналась, что боишься.

– Тем, я боялась *идти* сюда. И не *кого-то* боялась, а темноты. А еще – грозы. Вдруг она подкатится близко! – И выдохнула ему в плечо: – Тем, я грозы боюсь уж-жасно.

– Нитка... если честно, то и я. Ну, не совсем ужасно, но тоже. Только про это никто не знает. И ты – никому...

– Конечно.

Иногда быть откровенным совсем не трудно. Особенно в темноте и когда так вот... доверие друг к другу. И Тем не боялся, что честное признание уронит его в Ниткиных глазах. Скорее наоборот...

– Но здесь-то уже не страшно, Нитка.

– Да... Пошли вместе в воду.

– Нитка, я не могу. Я без плавок...

– Ну... можно ведь и так.

– А потом в мокрых трусах в постель?

– Дурачок. «Так» это значит без всего... Я ведь тоже без купальника. В нем нельзя. Наша Валентина постоянно у всех купальники шупает: не лазил ли кто-то в воду без спросу...

– Ты рехнулась? – слабым шепотом сказал он.

– Тем, да ты что? Темно же. И мы же... ничего такого. Давай ты отвернешься и зажмурись, а я в воду. А потом я зажмурюсь, а ты – бултых. А в воде-то уже все равно... Тем, а то ведь обидно: шел сюда, продирался и даже не окунешься...

«А и правда...» Нырнуть, смыть с себя вязкую духоту и зуд захотелось отчаянно. И все же не это главное. Еще сильнее – желание сладкой запретной радости: частое стуканье сердца и веселый озноб. Вот оно – тайное приключение!

От приключений убежать нельзя, это нечестно. Это все равно, что убежать от судьбы. И... Нитка решит, что он трус...

– Только ты зажмурься как следует...

– Конечно! И ты. Давай...

Тем отвернулся, прижал к глазам ладони. Так, что в навалившемся мраке – желтые огоньки.

– Тем, считай до двадцати! – Шуршанье, легкий топот, плеск. – Ух, какая теплая вода! Тем, давай!

– Ты отвернулась?

– И зажмурилась!

Тем суетливо сбросил на песок трусы, положил на них очки. Сквозь «безочковое» туманное пространство различил на мерцающей воде темное пятно – Ниткину голову. Скорее, скорее... Головой вперед!

Ох, и правда тепло! Как в молоке, постоявшем полдня на солнечном подоконнике... Тем проплыл под водой несколько метров.

Оказалось, что купание без единого клочка одежды – совсем не то, что обычное купание. Сперва была стыдливая (и приятная) беззащитность, но почти сразу вода избавила его от этого чувства. Она была такая ласковая! Озеро приняло в себя мальчишку как свое родное существо, как рыбку, как... свою каплю! Тем растворился в нем. Он сделался частичкой этого озера, частичкой теплой темноты, частичкой природы. И даже... частичкой Нитки. Потому что она ведь наверняка ощущала то же самое.

Тем вынырнул, встал на твердом дне по грудь в воде. Дурашливо и бесстрашно фыркнул. Ниткина голова темнела в трех метрах, и слабо светились плечи.

– Тем... хорошо, да?

– Ага...

– Давай руку. Нырнем вместе...

– Нырнем...

Ниткина ладонь была по-прежнему горячая.

Они нырнули вдвоем и плыли в глубине секунд десять. Расцепили руки, выскочили на поверхность.

– Нитка, давай от берега и назад. Двадцать гребков туда и двадцать обратно.

– Давай!

Она плавала не хуже Тема.

Потом они по грудь в воде брызгали пригоршнями друг в друга и прыгали, опять взявшись за руки.

Один из таких прыжков осветила беззвучная, но яркая зарница.

– Ой! – перепугались оба и сели в воду по уши.

– Тем, ты извини, но я не успела зажмуриться.. Такая предательская вспышка. Но ты не пугайся, ты все равно был в воде выше пояса.

– А ты... я даже не знаю, я сразу ослеп. Да я и не вижу толком без очков, не бойся...

Тут над ними наконец грохнуло. Нитка взвизгнула и весело сказала в рифму:

– Ой-ёй-ёй, пора домой.

– Беги на берег, я отвернулся... Позовешь, когда оденешься.

Она позвала очень быстро:

– Тем, иди, я зажмурилась.

Стало темнее прежнего, Тем почти не различал Нитку, но все же опять застеснялся. Как назло долго не мог найти на берегу трусы и очки... Ох, вот они! Он торопливо запрыгал на песке. В этот миг ударили крупные капли, сверкнуло опять и грянуло.

– Ай! Тем, ты готов?! Бежим под крышу!

Они забрались внутрь ледореза. В запах гнилого дерева и грибов. Сверху застучало, забарабанило, загудело. Между досками на секунду высветились щели. И снова: бах, трах, тарарах! Тысячи железных ящичков с каменной горы!

– Мама... – Нитка мокрым плечом приткнулась к Тему. «Господи, а ведь у нее и мамы-то нет...»

– Не бойся...

«Не бойся, я сам боюсь...»

Ногами Тем нащупал позади себя широченную балку. Потянул Нитку:

– Давай сядем.

– Ага... Ой! – И прижалась опять. Потому что опять разгорелись щели и ударил трескучий разряд! Мокрые Ниткины волосы облепили Тема.

– Тем...

– Что?

– А все равно хорошо... Да?

– Конечно!

– А... давай завтра опять...

– Ох, Нитка... давай...

После этого гроза пожалела их и стремительно заглохла.

4.

Обратный путь был труднее, но показался короче. Наверно, потому, что среди мокрых кустов и колючек было не до страха. Одного хотелось – поскорее добраться до сухой постели... Хотя нет! Хотелось еще, чтобы поскорее пришло *завтра*.

Попрощались у домика, где спал и ничего не ведал Ниткин отряд (тучи не разошлись, было все так же темно). Потом Тем пробрался к себе. Никто не проснулся. Тем натянул до носа простыню, стал смотреть в еле различимый потолок и вспоминать, что было. И так уснул – с ощущением радостной и запретной тайны.

В течение следующего дня они с Ниткой не подходили друг к другу. Даже не переглядывались издали – чтобы никто ничего не заподозрил. Все было условлено заранее. Вечером, после одиннадцати – в таком же теплом сумраке, как накануне – они встретились у бревенчатой кухни, там, где бочка. Но в этот миг ударила гроза – похлеще вчерашней. И главное, долгая. Пришлось отсиживаться под навесом, где лежали дрова для кухонной печи. На плечи сыпалась древесная труха, и к щекам липли невесомые ленточки бересты. Нитка испуганно дышала у плеча Тема.

А когда стало ясно, что на Запретку сегодня не попасть, она шепнула:

– Тем, давай утром, а? Рано-рано, в четыре часа...

– Ты что! В четыре уже светло! Рассвет!

– Нас же никто не увидит. И мы... тоже друг друга не увидим. По очереди закроем глаза – и в воду... А в воде утром знаешь как здорово... И туман над ней. Будто в тумане купаешься...

– Ох, Нитка... А ты не проспийшь?

– Нет, я умею просыпаться, когда задумано.

Тем тоже умел...

Сосны в раннюю пору казались черными, но заря на северо-востоке набирала силу. К этой заре, к светлой воде, Нитка и Тем выбрались после четверти часа пути по сырым зарослям и буеракам. Хотя нет, воды в тот момент не было видно. Ее скрывала пушистая шуба тумана. Будто облако легло на озеро. А в небе облаков не было, там растворялся золотистый свет.

– Тем, вода под туманом знаешь какая теплая! Как под платком из пуха!

– Не потеряться бы в этом тумане...

– Найдем друг дружку по голосу... Ну, я пошла первая, отвернись и закрой глаза.

Тем не только отвернулся и зажмурился. Не только прижал веки пальцами. Пальцы он растопырил и зачем-то большими зажал уши, а мизинцами нос – будто купальщик-новичок, собравшийся окунуться с головой. Закрытыми ушами он не сразу услышал, как Нитка зовет:

– Тем!.. Ну, Тем! Где ты? Давай! Не бойся, я тебя не вижу!

Он оглянулся. Нитки под медленно клубящимся туманом не было видно. Только синие трусики и белая безрукавка валялись на песке. Тем глянул вокруг. Светло, но пусто и... без-опасно. Он бросил трусы и майку рядом с Ниткиной одежкой, уронил на них очки. Потянулся, впитал в себя прохладу утра и бросился головой в туман.

Вода и правда была очень теплая – теплее, чем прошлой ночью. И Тем опять начал радостно растворяться в ней.

– Тем, ты где?

– Здесь я!

– Иди сюда! Я – вот...

Он смутно различил Ниткину голову и плечи. Почти наугад протянул руки. И снова Нитка и Тем сцепили пальцы. И заплясали среди шевелящихся туманных волокон, среди теплых брызг...

Трудно понять, сколько времени резвились они в этом первобытном, только для них двоих созданном и спрятанном от всего мира озере. Наконец выкатилось над дальним берегом солнце, похоже на громадную влажную звезду. Оно в полминуты съело взвившийся туман. Стала видна широченная золотистая вода. Ржавая крыша ледореза сверкала от влаги.

– Тем, пора. Отворачивайся, я побежала... Я заберусь в ледорез, буду волосы там отжимать. Крикну – и ты входи.

– Не вздумай через щели глядеть, когда я...

– Бессовестный, – почти всерьез обиделась она. – Вот надавать бы тебе шлепков, как Кею.

– Я хотел сказать: не взгляни в щель случайно...

– Глупый. Да я даже *там* зажмурюсь, пока ты не скажешь, что готов.

Потом она крикнула из укрытия:

– Выходи! Можно!

Тем, пока одевался, с опаской, но весело поглядывал на ледорез. Потом окликнул:

– Нитка, можно к тебе?

– Иди...

Было похоже на старый чердак. Низкое солнце разрезало сумрак плоскими горизонтальными лучами. Нитка сидела на балке и выжимала черные густые пряди.

– Тем, помоги, а? Чтобы скорее высохли... Бери в две руки и выкручивай, как сырое полотенце. Только не дергай.

Тем послушался. Сбивчиво затюкало сердце. Он сказал сердито:

– Все равно они останутся влажные. Вот заметит ваша Валентина, будет тебе.

– Навру, что бегала под душ, спасалась от духоты... Да они быстро сохнут... Ай, я же сказала: не дергай!

– Нитка...

– Что, Тем?

– Завтра опять, ладно?

Так было пять дней подряд. Вернее, пять рассветов. Рано-рано удирали они на озеро, и начинался праздник, от которого сладко замирала душа. Они понимали, сколько запретов нарушают (недаром же – Запретка!), но этот риск делал их тайную игру *приключением*.

Каждый раз они были на Запретке совершенно одни. Только один раз бесстрашно прошлась по песку похожая на кулика птичка – от нее осталась цепочка мелких трехпалых следов. Птичка весело проглядела на мальчишку и девчонку и вспорхнула.

– Не вздумай наябедничать, – весело сказала ей вслед Нитка с крыши ледореза.

Теперь Нитка и Тем, выбравшись из воды, не спешили одеваться. Пока Тем жмурился, Нитка забиралась на скат ледорезной кровли. Там она отворачивалась, и тогда залезал туда же Тем. Они оказывались почти рядом, но между ними стоял торчком полуоторванный кровельный лист. Тем и Нитка видели только головы и плечи друг друга.

От вздыбленного листа пахло теплой домашней крышей. То железо, на котором лежали Нитка и Тем, тоже было теплым, не успевало остыть за короткую душную ночь. Они обыскали на утреннем ветерке, под первыми, не жаркими еще, но ласковыми лучами...

А потом – как всегда:

– Тем, я пошла, закрывай глаза.

Ни разу не нарушили они свое слово: даже краешком глаза не взглянули друг на дружку, когда раздетые. Ну... по крайней мере, когда на берегу.

В глубине Тем позволял себе открывать глаза. В воде он видел без очков гораздо лучше, чем на суше. Хотя виделось-то не много. Озерная вода была не очень прозрачная, в ней стоял желтоватый сумрак. Раннее солнце только гладило ее, но не проникало внутрь. Но когда Нитка проплывала совсем близко, Тем различал ее светлое тело, черный поток волос и темные от загара ноги.

Однажды Тем и Нитка сошлись под водой лицом к лицу. И Тем увидел, что Ниткины глаза тоже открыты! Даже здесь было видно, какие синие! Нитка чуть улыбнулась и... погрозила пальцем.

Тем перепуганно вылетел на поверхность чуть не по пояс. Нитка – следом. Тем успел заметить, что Ниткина грудь совсем как у пацана – никаких выпуклостей. Ну, или чуть-чуть... Оба тут же плюхнулись обратно – по горло. Поглядели друг на друга и... ничего не сказали. То, что случилось под водой, было *там*, в другом мире. А здесь опять все сделалось как раньше...

5.

Наконец их кто-то выследил и «настучал» начальству. Кто именно, Тем не знал, и было ему на это наплевать. Нитке тоже. Плохо другое – чуть не растоптали сказку.

...Раннее утро этого дня было чудесным, как и прежние. Но к полудню стало пасмурно, зарядил дождик. Сперва теплый, не сильный, но упорный.

Этот дождик шумел за открытым окошком и после обеда, когда Тем лежал в кровати. Был «тихий час».

Летний лагерь «Приозерный» был не то, что давние пионерские лагеря, никто не требовал, чтобы в тихий час «дети» непременно спали. Можно было играть в шахматы, поставив между койками табурет с доской, можно болтать потихоньку. Главное, чтобы каждый был в своей постели. Некоторые читали – те, кого жизнь еще не отучила от такой старомодной привычки.

Тем взял с подоконника наугад чью-то потрепанную книжку. Оказалось, это «Повести и рассказы» А.Куприна. Тем быстро пролистал давно знакомые истории про белого пуделя, про кошку Ю-ю, про слона, которого привели в гости к больной девочке... И наконец наткнулся на нечитанный раньше рассказ «Храбрые беглецы».

Речь шла о мальчишках, живших в давние времена в сиротском пансионе, вроде приюта. Ничего себе, приют! В бывшем дворце графа Разумовского! И постели за воспитанниками там заправляли специальные горничные или дядьки Матвей и Григорий... Хотя все равно сиротская жизнь – не мёд.

Девочки обитали в другой, строго отделенной от мальчишек половине пансиона. («Как у нас, разделение на разные отряды», – подумал Тем). Десятилетний воспитанник Нельгин влюбился в смуглянку Мухину и однажды во время урока танцев сунул ей в руку записку с признанием.

Про «тайную связь» как-то узнало начальство.

«А на другой день, на уроке законе божьего, – читал Тем, – раздался в коридоре тяжкий топот и звон колокольчиков, отчего чуткое сердце Нельгина похолодело и затосковало...

– Нельгин! Иди-ка сюда, любезный!

И бедного влюбленного повели наверх, в дортуар, разложили на первой кровати и сняли штанишки...»

Тем от души пожалел беднягу, получившего за свою любовь от бесчувственного дядьки Матвея «двадцать пять добрых розог», но вместе с жалостью ощутил и тревогу. Предчувствие какое-то. Оно нарастало вместе с шумом дождя, который делался все неласковей. И стало совсем худо, когда в сенях фанерного домика послышались тяжелые шаги – у Тема тоже было чуткое сердце.

Шаги принадлежали дежурной вожатой Шуре.

– Темрюк, пойдем-ка со мной, голубчик...

На крыльце Шура накрыла Тема полиэтиленовым дождевиком. Но в этой заботе было что-то казенное, и она не успокоила Тема. По дороге к штабному домику Тем уже *знал*, зачем его туда ведут.

И не ошибся.

Нитка была уже там. Стояла перед голым дощатым столом, за которым разместился «состав суда». Она посмотрела на Тема понимающим взглядом, и он встал рядом, уронив на пол накидку.

За столом восседали вожатые Даля-Магдалена, Валентина, Демьян и директорша лагеря Анастасия Климовна. Младших инструкторов не было. Наверно, из-за деликатности вопроса решили их не приглашать, не играть в демократию. Шура тоже под села к столу – рядом с кудрявым Демьяном (он часто задышал и отодвинулся).

Худая, похожая на пожилую английскую леди, Климовна с полминуты сокрушенно смотрела на Нитку и Тема – как добрая тетушка, которая не хочет, но обязана разоблачить и выпороть провинившихся племянников.

Нитка нагнулась и стала гладить пальцем свежую царапину под коленом. Дождь гулко стучал о фанерные стены, из окна пахло, как бедой, мокрыми сорняками.

Климовна села поправее и сказала:

– Ну? Будем сразу признаваться или сперва поломаемся-поотпираемся? – Ее простецкая лексика не вязалась с английской внешностью.

Нитка, не разгибаясь, стрельнула в директоршу взглядом:

– Знать бы, в чем признаваться...

– В самовольном купании, дорогие мои! В побегах с территории лагеря и в проникновении в запретную зону! Вам разве не известно, что за каждое из таких дел, взятое даже в отдельности, грозит исключение?

Тем одолел противную слабость в животе и дрожание коленок. Что бы ни случилось потом, а надо поддерживать Нитку. Слабым голосом, но с намеком на дерзость, он выдал, глядя поверх судейских голов:

– Подумаешь. Сколько народу самовольно купается, всех выгонять, что ли?

Климовна далеко вытянула из воротника худую шею.

– Они просто купаются. Не в *таком* виде, как вы...

Вот оно! Масштаб скандала и тяжесть неизбежного позора были столь велики, что Тем не смог их почувствовать до конца. Умом все понимал, но большого страха (вот удивительно!) не было. Только тошно.

Нитка распрямилась, чуть улыбнулась Тему – быстро так – и скучновато спросила Климовну:

– А в каком виде?

– Ты сама знаешь!

– А ни в каком не «в виде», – тем же тоном сообщила Нитка. – «В виде», это когда люди друг друга *видят*. А мы даже ни разу не взглянули друг на дружку, когда в воду шли и обратно... Тем, скажи!

– Да! – Тем ощутил, что Нитка смелее его, крепче его. А он что, разве совсем хлюпик?

– Так мы вам и поверили, – деревянно сказала Ниткина вожатая Валентина.

В ответ Нитка так пфыкнула губами, что полетели брызги:

– Ну и не верьте! Мы-то все равно *знаем*.

Климовна запыхтела и стала слегка полнеть.

– Не знаю, что *вы* знаете. А вот когда об этом узнает весь лагерь... Что скажут ребята, а? Помирать так с музыкой.

– Лопнут от зависти, – сказал Тем.

– Темрюк!! – Фанерный домик содрогнулся от вопля начальницы лагеря. Кудрявого Демьяна отшатнуло от нее прямо к Шуре. Он шарахнулся обратно.

А Нитка не дрогнула. И Тем почти не дрогнул.

Климовна отдышалась и застегнула верхнюю пуговку у ворота. И слегка успокоилась.

– Если ты, Назарова, утверждаешь, что вы «не смотрели», то какой смысл был купаться вот так... без всего?

Нитка пожала плечами:

– Чтобы не узнали. Валентина все время купальники щупает...

– А Демьян наши плавки проверяет, – мстительно добавил Тем.

– Не ври! – мальчишечьим голосом возмутился Демьян. – Это... один только раз! Потому что... стоит отвернуться, как вы уже в купалке!

– Ага, один раз...

– Пусть он не увиливает, – прежним деревянным голосом заявила Валентина. – Сейчас он еще скажет: «Чего такого, мы просто играли»... А от таких игр потом дети появляются.

– Валя... – сдержанно осудила дуру начальница.

– А что? Бывали случаи... Вы, Анастасия Климовна, сами знаете...

Тем не решился взглянуть на Нитку. Но «чутким сердцем» уловил: она вдруг ослабла, может заплакать даже.

И тогда он оглядел вожатых и начальницу. И отчетливо разъяснил им всем:

– От того, что люди в одном озере купаются, «дети» не бывают. Они бывают, если двое ночуют вместе. Где-нибудь в заброшенной сторожке. За территорией лагеря.

Демьян закашлял, а уши его зацвели. Девицы приоткрыли рты, Шура стала дергать косу. Климовна грудью легла на стол:

– О чем это ты, Темрюк?

– Да ни о чем. Просто пример... – А в душе тихое злорадство.

– С примерами надо быть поаккуратнее, – с назидательностью, но не очень уверенно разъяснила Климовна. – И... не знаю даже, что с вами делать... Для начала имейте ввиду, что вы получили по строгому выговору на педагогическом совете лагеря. А чтобы не было хуже, вы должны дать честное слово, что впредь... ничего такого... Ни разу! – Она опять выпрямилась по-королевски.

Нитка и Тем опять глянули друг на друга.

– Дадим, Тем? – спросила Нитка (а в глазах, кажется, смешинки). – Все равно погода испортилась.

– Ага, – с простодушным видом согласился он. А в душе, признаться, великое облегчение («Неужели все обошлось?»).

– Нахалы, – печально сказала начальница. – Марш по палатам и сидеть там, как мыши, до конца тихого часа.

Тем поднял с пола накидку. Нитка – свою, такую же. И они вышли на крыльцо. Там они молча глянули друг на друга и взялись за руки. А чего говорить-то? Грустно, что тайна и приключения закончились, но все равно они *были*... И... возможно, будут когда-нибудь еще.

Нитка и Тем пошли рядом по песчаной дорожке, под шуршащим дождем. Но всего несколько шагов. Сзади послышался голос Демьяна:

– Артем, постой! Разговор есть...

Тем попрощался с Ниткой глазами и дождался Демьяна. У того не было накидки, но Тем не сказал «давай накроемся вместе». Вот еще!

– Слушай, Темрюк, зачем уж ты так-то? – с нерешительной ноткой выговорил Демьян.

– Как «так»?

– Ну... ябедничать-то нехорошо.

– Вы это *мне* говорите?! Сами разнюхали, настучали про нас, а теперь...

– Тем, это же не я! Клянусь! Я даже не знаю, кто!.. Я за тебя перед Климовной заступался. А ты на меня такое... Как-то не по-мужски...

– А плавки лапать у пацанов – по-мужски?

– Да я не об этом. Зачем про сторожку-то?

– А-а! – Тему стало смешно. – А с чего вы взяли, что это про вас? И вообще... Туда ходят все, кому не лень. Весь лагерь знает. И Климовна. Она что, глупее других, по-вашему?

– М-да... Ну, ладно... Слушай, Тем, а можно задать тебе прямой вопрос? На честность...

– Ну...

– Вы, что ли, *правда* ни разу не взглянули там друг на друга?

– Да конечно же! – Тем вскинул лицо, по нему сразу ударили капли. Тем опять нагнул голову. Бесплезно объяснять. Как тут скажешь? «Мы же обещали друг другу... Иначе поломалась бы сказка... Тогда бы мы перестали быть теми, кто есть – Ниткой и Темом, у которых тайна...»

Демьян несколько долгих секунд шагал молча. Потом вздохнул:

– Ну, значит, я прав. Я Климовне так и говорил: «Ничего у них не было, просто игра в пионерскую любовь»...

В давние времена летний лагерь «Приозерный» назывался пионерским и были здесь трубы и барабаны, маршировки с бодрыми песнями, утренние построения отрядов с выносом знамени и подъемом мачтового флага. Потом пришли другие времена, и теперь все, что связано с пионерами, полагалось обихихивать. И, если кто-то дурачась говорил «честное пионерское», значит, ясное дело, врал. Пионеры прошлых лет считались недоумками. Они умели только отдавать салюты, коллективно бороться за отличную успеваемость, каждый день гладили свои красные галстуки и не знали, чем девочки отличаются от мальчиков...

Тем сказал тихо и ожесточенно:

– А что, настоящая любовь, это когда только там, в сторожке? Ну и... – Он сдернул и скомкал накидку. – Вот, отдайте вашей Шурочке, это ее... – И побежал к домику «М-2». Хотелось заплакать, но в подступивших слезах не было горечи. Наоборот, что-то хорошее. Благодарность Нитке...

6.

Больше они не бегали в Запретку. Не удалось бы теперь удрать незаметно. Да и расветы сделались не те – пасмурные, хотя и не холодные.

Зато днем Тем Нитка постоянно были рядом – как бы назло всем (хотя, по правде говоря, мало кто обращал на это внимания). В одной команде играли в волейбол, вместе вызывались дежурить на кухне, рядом сидели у вечерних уютных костерков. И вместе каждый день искали Кея. Вытаскивали его из таких закоулков, куда нормальный человек и не догадается забраться.

– Все-таки ты настоящая Герда, – тяжело дышал Тем, выволакивая Ниткиного братца с кухонного чердака или из обширной конуры, валявшейся в репейниках (в прошлом году в конуре обитал сторожевой пес Тимка, осенью он сбежал; Кей был уверен, что у конуры скоро вырастут ноги). Потом они под навесом у цистерны отмывали пойманного беглеца. Нитка терла его, голого и тихо визжавшего, большущей деревенской мочалкой, а Тем поливал его шланга. И зорко следил, чтобы рядом не появились посторонние. Нитки и Тема Кей не стеснялся (сестра она и есть сестра, а Тем тоже вроде бы свой, Ниткин друг), но отчаянно боялся, что банную процедуру увидит кто-нибудь еще.

Потом он, вытертый насухо и одетый в чистое, убежал, чтобы исчезнуть снова.

– Нитка, а почему он иногда прихрамывает? Связку растянул, что ли?

– Нет. Это у него врожденное. Сперва сильно косолапил, а потом выправили... Вообще-то у него все нормально, он ведь даже танцами в детском саду занимался. Но если забудется – глядишь, опять начал ступню подволакивать. Такой разгильдяйщик...

Так прошла последняя неделя лагерной смены. Затем все разъехались. Нитка и Кей жили в поселке Коробчиха, в сотне километров от города. Тем понимал, что часто видаться не придется.

Так и случилось. Они переписывались иногда, но в письмах не было почти ничего от той короткой и почти сказочной дружбы в «Приозерном». Лишь один раз проскочило: «Кей, мы вчера чинили голландскую печь, отрывали железные листы, и они пахнут так же, как тот железный лист на ледорезе, в Запретке...» Да еще Кей иногда пририсовывал на письмах сестры кривую избушку на курьих ногах...

Минуло два года. И письма стали совсем редкими, а встретились Тем и Нитка лишь однажды, в девятом классе, на весенних каникулах. Ниткин класс приехал в городской театр на спектакль «Снежная королева» (бывают же совпадения!), и Тем тоже оказался там. Маме на работе дали бесплатный «благотворительный» билет. Тем поворчал для порядка, что «детская сказка для младшего школьного возраста», но что-то шевельнулось в его «чутком сердце», ожидание какое-то. И – правда...

Они увиделись в антракте, обрадовались, но было в этой радости и смущенье. Вязкое такое, с трудом одолимое. Говорили ни о чем – в первом антракте, во втором. Наконец Тем ухватился за спасительную тему:

- А как поживает бродяга Кей?
- Ну, как... Во втором классе уже.
- Учится-то нормально?
- А, троечник...
- Троечники тоже люди...

После спектакля тем проводил Нитку до поезда. Обещали друг другу писать чаще. И правда, в течение недели написали по два письма. Но потом опять все «спустилось на тормозах»...

Так бы оно и ушло в прошлое. Сделалось «памятью о детстве», если бы не новое обстоятельство. Нитка с отцом и Кеем (и с очередной мачехой) перебралась в город. Как-то удалось им поменять коробчихинский дом на городскую квартиру. Это случилось, когда Тем заканчивал школу.

Опять они увиделись и обрадовались друг другу. Но той весной и летом встречались не часто. И все как-то на бегу. Оба сдавали выпускные экзамены, потом Артем подал заявление в Гуманитарный институт, на истфак. Хотелось в археологи. Все лето он сидел над учебниками, пришлось даже уйти из секции дзю-до.

Вступительные экзамены закончились в середине августа, и почти сразу будущих первокурсников послали копать картошку на сельских полях. Вуз был не государственный, однако его начальство с официальными властями спорить не хотело, себе дороже. Раз нужны на осенней уборке «молодые и сильные», пусть едут. Тем более, что будущим археологам лишнее копанье в земле не повредит – тренировка...

Вернулись в октябре. И вот тогда-то у Артема и Нитки началось что-то вроде настоящего романа. Впрочем, нет, не настоящего, а тоже «пионерского». Потому что дальше поцелуев дело не пошло. Целовались в подъездах, в озябшем парке, в полутемном студенческом кафе. Осень была сухая и золотисто-оранжевая. Предновогодняя зима – ласковая, с искрящимся под фонарями летучим снегом, который был теплым, как тополиный пух. А Ниткины губы сперва были холодные, но быстро согревались и почему-то пахли, как мандариновые дольки.

Но целоваться удавалось не всегда. Потому что часто с ними был Кей, даже по вечерам. Нитка не любила оставлять его дома с отцом, который «опять взялся за свое...»

Подросший, одиннадцатилетний Кей вел себя деликатно. Случалось, что надолго отходил от сестры и Артема – то к игровым автоматам в кафе, то к ледяным горкам в саду с праздничной елкой. Но в этой деликатности Артем угадывал иронично-спокойное понимание: «Пожалуйста, я вам не мешаю...»

Никаких планов на будущее Артем и Нитка не строили. Было им хорошо, вот и все.

Потом надвинулась на Артема зимняя, первая в жизни сессия, которая убедила первокурсников, что студенческая жизнь – не сахар. И, «спихнув» последний экзамен, Артем отсыпался две недели – почти все каникулы.

В феврале Нитка поступила на какие-то портновские курсы, а у Артема заболела мама.

Весна прошла суетливо и тревожно. Свидания опять сделались редкими и короткими. Когда маму выписали из больницы, был уже май, и тень новой сессии грозно нависла над первокурсником истфака Темрюком. Артем был не из тех храбрецов, кто учатся через пень-колоду, на экзаменах уповают на счастливую судьбу, а при провале философски посвистывают сквозь зубы. Перед каждым зачетом он изрядно трусил, и это выматывало нервы. Так что о Нитке вспоминал он в ту пору далеко не каждый день.

А когда сдал последний экзамен, спохватился: что-то долго она не звонит, не приходит. У Нитки телефона не было, звонила она всегда с автомата. Артем побежал к ней домой.

Дверь открыл Ниткин отец. Щетинистый, опухший, полупьяный. Из-за него выглядывала помятая тетка в вязаном, с прилипшим мусором, платье.

Артем сразу понял: что-то не так.

– Анита дома?

– Может, и дома, – ухмыльнулся папаша. Рыгнул селедкой. – Только дом у нее теперь не тут...

– А где?

– Тю-у... – опять усмехнулся он.

– Я спрашиваю: где?

– А чё ты орешь?... Уехала вместе с братцем.

– Куда?

– Куда? – вдруг скривился он. – А ты поищи! У вас ведь, никак, любовь? А любовь – она сила. Она это... через все преграды... Вот и... преодолевай... – И захлопнул дверь.

– С-сука, – сказал в эту дверь Артем. И вдруг изо всех сил разозлился на Нитку. Похоже, у нее что-то случилось, но предупредить-то могла! Хотя бы звякнула перед отъездом.

Несколько дней ходил он, то маясь от беспокойства, то глотая обиду, то вдруг успокаиваясь: «Ну, уехала и ладно. Проживу... А что между нами было-то? Не невеста же...»

С этим странным, тяжелым спокойствием он уехал на летнюю практику, на раскопки в Юташскую степь, где под слоем впервые распаханной целины были найдены остатки неизвестной культуры. Когда-то стоял там город – ужасно древний и непонятно чей.

И было все, как мечталось: сухая земля курганов, черепки с таинственным орнаментом, запах полыни, черные ночи с белыми звездами, костры, гитара. Друзья-приятели... Только тревога нет-нет да и возвращалась.

А потом покрытый пыльным загаром пацан – велосипедист привез из ближнего поселка телеграмму для Артем Темрюка. Телеграмма была от тетки. Умерла мама.

Умерла она не от своей давней и привычной болезни, а от сердца. Внезапно...

И потянулось потом длинное, пустое, похожее на пролившийся черный клей лето. Жизнь в пустой трехкомнатной квартире, где висели в прихожей мамины пальто и плащ, где стояла на кухонном столе мамина чашка, где полосы солнца лежали на нетронутой, Аккуратно застеленной маминой кровати. Где в каждом пятнышке света, в каждой скрипе паркетных плиток чудилась мама...

Довольно скоро напомнила о себе «суровая жизнь», которой плевать было на тоску и потерянность восемнадцатилетнего студента-историка. Нужны были деньги: тратить их на хлеб и картошку, платить за квартиру и телефон, покупать башмаки и брюки взамен совсем истрепавшихся...

Нашлись советчики: продай-ка ты, Тёма, эту большущую квартиру, купи однокомнатную, по дешевке, а оставшихся денег хватит тебе не меньше, чем на все годы учебы. Спасаясь от тоски, Артем окунулся в эту торгово-обменную компанию. Маклеры, фирмы, юристы, продажа вещей и мебели, беганье по конторам за всякими справками. Квартира ушла к другим владельцам. Артему сулили другую, маленькую, плюс изрядную сумму. Даже выдали небольшой аванс. Остальные деньги обещали вручить в день его вселения на новую жилплощадь. Но в этот самый день оказалось, что жилплощадь принадлежит другим людям, которые очень удивились визиту Артема: они только что вернулись с дачи и слыхом не слыхивали, что кто-то продал их квартиру. Идите-ка молодой человек, пока мы не вызвали участкового...

Все документы оказались липовыми. Улыбчивых маклеров как ветром сдуло. Артем пошел в милицию. Там поухмылялись и сказали: не надо было подписывать бумаги о про-

даже, не проверив десять раз, кто есть кто. Теперь обращайтесь в суд, но «дружески» предупреждаем – дело гиблое.

Артему опять стало все равно. Он перебрался к тетке, отдал ей почти все деньги и стал жить, ни о чем не думая. В серой беспросветной пустоте. Начались занятия в университете, но Артем почти не ходил на лекции. Болтался по городу или целыми днями лежал на кровати. Когда принесли повестку, он не сделал ничего, чтобы избавиться от призыва. Да, вуз не государственный, и студентам не полагалась отсрочка. Но можно было все же протестовать, отбиваться. Может быть, и отбился бы, если бы очень постарался. Кое-кому удавалось. А Артем, к тому же, в очках... Но не было желания что-то делать. Наплевать. Пусть все идет, как идет. По крайней мере, не надо ни о чем думать.

Ну и пошло. Казарма, «деды», разбитые очки. Пару раз он вспомнил приемы дзю-до. Это не очень помогло: чего ты можешь со своими приемами один против дюжины? Помогло другое. Однажды, глядя в бесцветные глаза щекастого сержанта, Артем процедил: «Пойми ты, ублюдок – *мне все равно*, что будет со мной. А тебе, я вижу, твоя шкура дорога. Вот и делай вывод...» Тот вместе с «дедами» вывод сделал, жить стало малость полегче. Но очень скоро оказалось, что первогодок Темрюк подписал заявление, чтобы его добровольцем отправили в беспокойные южные края. Доказывать, что подпись фальшивая, Артем не стал. Подумал: «Хуже не будет». Только сказал один на один командиру взвода: «Сука ты все-таки, подпоручик». И тот ничего, стерпел.

А потом было... Ну, в общем все, что было. И госпиталь. И возвращение. И утренняя летняя улица. И визг затормозившего «москвичонка» – Нитка вскочила из машины, бросилась через дорогу:

– Тем!

Они успели только обняться – вот так, с маху, посреди улицы – и обменяться парой слов. Пожилой дядька в «москвиче» нетерпеливо давил на сигнал.

– Это наш начальник смены на фабрике, он взялся подвезти меня. Там у нас спецказ... Тем, давай в пять вечера у фонтана, где раньше! А?

– Ладно, Нитка! Обязательно!

А может, она замужем? А может, все, что было, давно уже не имеет значения? Да и что было-то? Детство... И эти объятия посреди улицы – тоже память о детстве... И все же светлый зайчик прочно поселился в душе Артема. Этакая надежда на будущую радость...

7.

Они сидели на бетонном ограждении квадратного бассейна с тремя каменными дельфинами посредине. Фонтан не работал. Он и раньше не работал – в те дни, когда Артем и Нитка назначали здесь друг другу свидания. Впрочем, это было чаще всего зимой, а тогда какие фонтаны! Дельфины сидели, нахохлившись, в снежных шапках. А сейчас на сухом дне – лепестки отцветающих яблонь и пивные пробки.

Нитка, в пестро-синем сарафанчике, с синей лентой на черных волосах, прижалась к нему голым поцарапанным плечом (совсем, как прежняя Нитка, еще там в, «Приозерном»). Глядя перед собой, сказала требовательно:

– Давай без охов и ахов. По порядку, каждый про себя, что с нами было. Сперва ты.

– Нет, сперва ты...

– Нет, ты...

Он рассказал. Про то, предармейское лето – подробно. Про армию – коротко.

– А теперь вот опять... нищий студент. А ты? Небось, замужем?

– Дурень...

– Ты же так пропала тогда. Нежданно-негаданно...

Плечо у нее дернулось, затвердело.

– Тем... не было выхода. Я была такая... вся не в себе... Кея схватила – и на вокзал. В Ново-Картинск, к бабушке. Куда деваться-то...

– А что случилось?

– Ну... он же совсем с ума сошел. Сперва не сильно приставал, будто играючи, а в ту ночь полез по-настоящему...

– Кто?

– Ну, кто... Отец.

– Как полез?

– Тем... ну, ты совсем дитя, да?

– Гад какой... – выдохнул Артем.

– Ну да... Тем, я тебе писала потом. Два письма. Ты, значит, не получил... А после уж не до писем стало, когда случился этот ужас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.